

Крестьянская основа русского характера

Незнакомый крестьянин

Россию традиционно считают страной коллективистской. В учебниках по межкультурной коммуникации в антитезе «индивидуализм-коллективизм» Россия является классическим примером коллективизма, так же как Америка — индивидуализма. Причину сложившейся ситуации обычно видят в крестьянской общине, ее исторических традициях и правилах. Чтобы разобраться, что имеется в виду, необходимо прежде всего обратиться к русскому крестьянину, его образу жизни, традициям, менталитету. Исторически крестьянство в России — самый массовый слой населения и вместе с тем наименее знакомый не только широкой общественности, но и узким специалистам.

Сложилась на первый взгляд парадоксальная ситуация: даже самый образованный читатель знает гораздо больше о жизни малочисленного русского дворянства, чем о многочисленном крестьянстве. Русская классическая литература, многие годы являвшаяся основным источником исторических знаний россиян, прежде всего раскрывала пленительный мир русской аристократии. Ее чудачества, пристрастия, проблемы и радости стали важной частью жизни не только русского, но и советского человека. В самые суровые постреволюционные годы, когда все связи с прошлым, казалось, были порваны, русская литература хранила прекрасный мир русского дворянства. Благодаря этому чувства Анны Карениной, разочарования Печорина, переживания Обломова, волнения Чацкого были близки сердцу советских граждан, активно строивших коммунизм.

Дело не только в том, что лучшие произведения русской классики посвящены миру русского дворянства, но и в том, что читать об этом далеком, ушедшем, но таком красивом мире всегда было интереснее, чем о жизни и страданиях русского крестьянина. Проблем и сложностей хватало во все времена, так что же о них еще и читать на досуге. Другое дело — пышные балы у Фамусова или веселые обеды у Ростовых — это гораздо интереснее.

После начала перестройки стало модно находить дворянские корни. Так же как после революции все оказались в рядах трудящихся (вспоминается булгаковский Бунша, утверждавший в доказательство своего рабочего происхождения, что его мать-дворянка

согрешила с конюхом), сегодня все стараются отыскать у себя дворянскую кровь — благо в Первую мировую войну массово раздавали дворянские звания. Да и согрешить с крестьянкой мог любой барин в любое время — чем не подтверждение аристократического происхождения.

Но статистические данные неумолимо свидетельствуют о другом. Согласно переписи 1897 г., подавляющее большинство населения Российской империи жило в сельской местности — свыше 85%¹. Более того, в оставшиеся 15% городского населения входило значительное число недавних крестьян, ушедших в город на заработки. К концу века этот процесс был массовым, так что можно говорить о том, что и статистические жители городов в большинстве своем были недавними крестьянами, сохранявшими в значительной степени особенности крестьянского быта и традиций. В связи с этим нет сомнений, что именно крестьянский быт и характер наложили существенный отпечаток на образ жизни и мысли современного россиянина.

Большинство исследователей сходится на том, что Россия издревле была страной земледельческой. В источниках по ранней русской истории используются различные термины для обозначения сельского населения: смерд, сирота, сябр, крестьянин, изорник, мирянин, изгой, закуп, рядович, селянин, кметь, бобыль, половник, вотчич, человек (во множественном числе — люди). Термины различаются по месту, времени, социальным оттенкам, и разобраться в них совсем непросто. Можно предположить, что первоначально земледельческим трудом занимались не только сельские жители, но и горожане. Понятие же «крестьянин» (видимо, от «христианин») постепенно вытесняло все остальные в московском государстве с XV в. С этого момента в него вкладывается современный смысл, оно означает человека, занимающегося земледельческим трудом и живущего вне города.

Известный государственный деятель в правление Николая II С. Ю. Витте, человек скорее иронического, чем восторженного склада ума, писал о том, что Россия подлинно «мужицкое государство». По его мнению, «вся соль русской земли, вся будущность русской земли, вся история настоящая и будущая России связана, если не исключительно, то главным образом, с интересами, бытом и культурой крестьянства»². Подобным же образом рассуждало большинство тех, кто думал о судьбах России.

Вместе с тем, как отмечалось, о русском крестьянине известно до смешного мало, особенно о его реальной повседневной жизни, еще меньше о мыслях и чувствах. Серьезные исторические исследования, как правило, посвящены важным экономическим и социально-политическим аспектам крестьянской жизни: проблемам развития сельского

хозяйства в России, закреплению и раскрепощению крестьянства, крестьянским восстаниям и др.

С середины XIX в. не ослабевает интерес к народному творчеству: собран богатейший фольклорный материал, изучаются этнографические данные, исследуется музыкальное наследие. В центре внимания оказались обряды, праздники, суеверия, приметы, разного рода мифологические существа. Однако надо помнить, что понятие «народ» довольно широкое, оно включает в себя не только крестьянство. Особенность фольклора в том и заключается, что он не имеет авторства и является общим национальным достоянием.

В изображении русского крестьянства сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, существует общепринятая идея, что русская культура своими корнями уходит в русскую деревню: именно там черпали свое вдохновение великие русские поэты, музыканты и художники. Критики досконально проследили и изучили народные истоки творчества русских классиков. А вот о самом народе-творце, о русском крестьянине известно в основном только то, что он был темным, забитым, невежественным и что его и без того невыносимое положение ухудшалось год от года, век от века. Непонятным оставалось только одно, как в таких невыносимых и беспросветных условиях рождались слова, звуки и образы, ставшие основой высокой культуры.

Мрачная картина крестьянской жизни рисовалась и дореволюционными, и советскими исследователями, здесь они были удивительно едины в своем восприятии русской деревни. В советское время подобный подход обусловлен прежде всего политическими причинами. Было важно подчеркнуть разницу в положении крестьянства до и после революции, показать важное позитивное значение и необходимость перемен в деревне. Вот и насаждалась мысль о невежестве и темноте дореволюционного крестьянина, что создавало приятный контраст с радостной картиной советской деревни. Кстати, характерно, что и контраст, и улучшения в сфере быта действительно были, дома, даже дворцы культуры возводили, и электричество провели (по мере возможности, конечно), а крестьянский уклад погиб, с ним исчез и мир русской деревни.

В дореволюционной России трудности и худшие стороны крестьянской жизни часто подчеркивались для того, чтобы привлечь внимание к реальным проблемам, существовавшим в деревне. Труд крестьянина, в этом нет сомнений, всегда был тяжел, так что материала для того, чтобы «вскрыть язвы» и что-нибудь разоблачить в деревне, всегда хватало. Правда, писавшие о крестьянине авторы, как правило, мало знали и еще меньше понимали его жизнь. Так что их благородное стремление улучшить деревенскую жизнь

было мало связано с реальной действительностью и носило, скорее, отвлеченный, филантропический или еще чаще политический характер.

В последние десятилетия интерес к так называемым народным традициям особенно велик. Появились в значительном количестве книги с многообещающими названиями типа «Мир русского крестьянина». В большинстве случаев они содержат описания народных праздников, суеверий и гаданий (как правило, повторяющие данные, собранные еще сто лет назад). Создается впечатление, что русский народ исключительно веселился и отмечал праздники (благо недостатка в них не было). Подробные описания обрядов вообще не имеют отношения к реальной жизни: известно, что они сильно разнились не только от губернии к губернии, но и от деревни к деревне. В газетах и Интернете регулярно публикуются народные приметы на каждый день, в основном касающиеся сельскохозяйственной жизни и не имеющие сегодня большого практического и информационного значения. Все это, безусловно, интересно, но представляет собой лишь внешнюю сторону жизни народа. Его внутренний мир остается скрытым.

Характерно, что даже при довольно невысоком современном уровне школьного гуманитарного образования какое-то общее представление о жизни русского общества школьники могут все-таки почерпнуть из уроков истории и литературы. Однако опять-таки о дворянско-аристократической, в крайнем случае купеческой, его части. О крестьянской жизни, кроме тех ее аспектов, которые связаны с политикой или экономикой государства, речи нигде не идет. Все то же крепостное право в традиционной дворянской, потом советской, а теперь вот демократической трактовке, по сути не слишком различающейся, все те же крестьянские войны, все то же тяжелое положение.

Декларируемое сегодня внимание к подлинно народной традиции и культуре напоминает поиски «настоящего русского мужика», которые вели иностранцы, приезжавшие в Россию, чтобы понять ее «загадочную» душу. Уверенные в том, что именно крестьянин воплощает в себе национальные черты, они оживленно описывали на страницах своих дневников, записок и публицистических произведений городскую бедноту, «мужика» в живописных лохмотьях, который был доступен им в Петербурге и Москве.

Справедливости ради надо отметить, что есть серьезные добротные исследования жизни русского крестьянства. Среди них особого упоминания заслуживает монография М. М. Громыко «Мир русской деревни», другие книги того же автора и некоторых ученых-этнографов. Правда, полемический запал, стремление «обелить» годами очерняемого русского крестьянина привели к некоторой идеализации его образа, что, впрочем, не снижает научной значимости исследований. Проблема только в том, что

подобные книги все еще единичны и малодоступны широкому читателю, которого по-прежнему «кормят» яркими глянцевыми изданиями о бесконечно праздничной и полной суеверий жизни русского народа.

Вместе с тем все темы, рассматриваемые в контексте проблематики русского мира, касались и неизбежно будут касаться образа жизни, быта и взглядов русского крестьянства. И совсем не потому, что именно крестьянин воплощает русский характер. Это вопрос спорный и неразрешимый: кто подлинный носитель национального начала — поэт Александр Пушкин, гений, дворянин и на одну восьмую африканец, или русский крестьянин, никогда не покидавший родных мест и проживший точно такую же жизнь, как и миллионы других землепашцев? Скорее всего, такая постановка вопроса просто неправомерна.

Традиции русского крестьянства дают богатый материал для понимания русского мира, так же как невозможно понять его без мира дворянства, купечества и т. д. Ибо, несмотря на разрыв в культурной традиции, глубокое непонимание, царившее между разными социальными группами, о которых речь пойдет ниже, существовало и глубокое единство, изучение которого позволяет составить некую общую картину русского мира.

Прежде всего необходимо рассмотреть основные источники, по которым можно судить о внутреннем мире и образе жизни русского крестьянина. Именно во многих из них часто скрыты причины искажения его образа, именно они сеют непонимание. Вместе с тем, при условии критического анализа, они дают некоторое представление о том, как же жили русские землепашцы.

Взгляд на русского крестьянина, так сказать со стороны, прежде всего представлен художественной литературой. Литература в России всегда очень живо откликалась на все веяния общественной и политической жизни страны. И одновременно она же была той главной силой, которая формировала общественное мнение, сильнее всего влияла на умы читающей публики. С середины XIX в. она обращается к русскому крестьянину. Подготовка отмены крепостного права, сама отмена и ее последствия вывели до той поры незаметного, испокон веков делавшего свое привычное дело землепашца на политическую арену. Именно он оказался, неожиданно для себя самого, в центре многих общественных баталий, а решение его участи неразрывно связалось с определением судьбы всей страны. В нем обнаружили могучую силу и мелкие слабости. Он стал интересен и пишущей, и читающей публике.

Среди лучших произведений, посвященных крестьянству, «Записки охотника» И. С. Тургенева, наблюдения и размышления Левина в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. Они показали мужика через призму помещичьего восприятия: у Тургенева они в основном

фон для столь любимой им охоты, а у Толстого — повод поразмышлять о жизни и о себе. Безжалостен порой в своих насмешках над мужиком и генералами М. Е. Салтыков-Щедрин.

Ярко, сочно рисует русского пахаря поэт Н. А. Некрасов, стараясь передать и его внутренний мир:

Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..
У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь отгудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!

и внешний облик:

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Прекрасные художественные образы созданы в лучших произведениях поэта, неподдельный интерес и забота звучат в каждой строчке. Однако стремление помочь народу, изменить к лучшему его жизнь порой заставляло Некрасова чрезмерно увлекаться мрачной стороной крестьянской жизни, создавая ощущение безысходности.

Беспощаден в изображении народа И. А. Бунин. Его повесть «Деревня» в свое время поразила читателей. Критик К. Зайцев писал в эмиграции о своем потрясении:

«Вместо чуть ли не святого лика русского крестьянина, у которого надо учиться житейской мудрости, со страниц бунинской “Деревни” на читателя взглянуло существо жалкое и дикое, неспособное преодолеть свою дикость». М. Горький высказался еще более категорично, считая, что повесть Бунина заставила русское общество задуматься не просто о мужике, а о том быть или не быть России³.

Негативный образ русской крестьянской жизни нередко основывался на рассказах многочисленных выходцев из деревни, этих своего рода «эмигрантов», работающих в услужении и приобщившихся к внешнему лоску городской жизни. Покинув деревню, порвав связь с землей и крестьянским трудом, они нередко испытывали глубокое презрение к оставленной ими деревенской жизни (отсюда и невольная параллель с эмигрантами: чтобы чувствовать себя комфортно в новой среде нередко приходится отказаться полностью от старого, чтобы почувствовать, что ты поступил правильно, бросив свой привычный мир).

Не случайно одна из самых мрачных и безысходных картин крестьянской жизни в повести А. П. Чехова «Мужики» показана глазами лакея и его жены-горничной. Тяжело заболевший Николай решает перебраться с женой и дочкой из Москвы в родную деревню. Нерадостна его встреча с отчим домом: «В воспоминаниях детства родное гнездо представлялось ему светлым, уютным, удобным, теперь же, войдя в избу, он даже испугался: так было темно, тесно и нечисто. Приехавшие с ним жена Ольга и дочь Саша с недоумением поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не пол-избы, темную от копоти и мух. Сколько мух! Печь покосилась, бревна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится. В переднем углу, возле икон, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги — это вместо картин. Бедность, бедность!»

Однако самое страшное еще впереди — жизнь среди мало похожих на людей мужиков: «В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик». Вот и тоскует о своей лакейской жизни умирающий среди всей этой грязи — внешней и внутренней — Николай.

Своеобразный ответ (хотя и написанный раньше повести) находится в еще одном значительном источнике, полухудожественном, полупублицистическом, знаменитых

письмах из деревни А. Н. Энгельгардта, печатавшихся в 1870–1880-х гг. Посвященные сельскохозяйственной деятельности самого автора, они детально анализируют все особенности и нюансы деревенской жизни. Наблюдения и рассуждения внимательного и благожелательного автора о русском крестьянине, его прошлом, настоящем и будущем заинтересовали многих. Богатый материал, приводимый автором, использовался широко государственными, общественными и даже революционными деятелями (в советское время помещика Энгельгардта признавали и печатали в основном благодаря тому, что его неоднократно и благосклонно цитировал В. И. Ленин).

В своих письмах Энгельгардт передает крестьянский взгляд на тех, кто уехал из деревни и нанялся в услужение. Он и сам разделяет их точку зрения, показывая, как бывший мужик отличается от мужика настоящего: «Такой крестьянин, который, бросив землю, уйдя из деревни и поступив на службу, попал на линию, в деревню уже не возвращается и старается выписать к себе жену с детьми. Попавший на линию начинает обыкновенно презирать черную мужицкую работу, предпочитает более легкую лакейскую службу, одевается по-немецки, ходит при часах, старается о том, чтобы у него было как можно более всякой одежды. Жена его стремится в барыни и завидует такой-то и такой-то товарке, которая ранее ушла из деревни в Москву, живет с купцом и имеет семнадцать платьев. Детей своих она водит, как панинят, и хотя бьет, но кормит сахаром и учит мерсикать ножкой. Мужичьей работы дети уже не знают, и, когда они вырастут, их стараются определить на хорошие места в услужение к чиновникам, где главное их достоинство будет заключаться в том, чтобы они умели ловко мерсикать ножкой. И муж, и жена, и дети уже стыдятся своих деревенских родичей и называют их необразованными мужиками... В таких, попавших на линию, обчиновничавшихся мужиках, которых зовут “человек”, вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике-хозяине, земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо! Сравните его с мерсикающим ножкой лакеем! Мужик, если он “ни царю, ни пану не виноват”, ничего не боится. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли — удивительная в ней, матушке-кормилице, сила, — совершенно презирает и попавшего на линию и разбогатевшего на службе у барина»⁴.

Не обходила своим вниманием русского крестьянина и публицистика. Именно он, пахарь, мужик, народ, был краеугольным камнем всех разнообразных политических доктрин. Именно ради него, ради его счастья готовы были сражаться русские интеллигенты — от славянофилов до большевиков. Именно в нем видели подлинно национальные начала. Именно в нем, по мнению одних, было заложено спасение России, а

по мнению других — главное препятствие к ее же светлому будущему. Славянофил А. И. Кошелев оправдывался: «Мы вовсе не желали воскресить древнюю Русь, не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать. <...> Но в этом первобытном русском человеке мы искали, что именно свойственно русскому человеку...»⁵

Особое место отводилось крестьянству в революционном движении, возникшем в 1860–1870-х гг. и получившем характерное название народничества. Оно охватило возбужденную происходившими в стране переменами (шла эпоха Великих реформ) молодежь, захотевшую еще более грандиозной перестройки общества. Ставка была сделана на народ — на мужика-крестьянина. Задача стояла непростая: с одной стороны, вернуть «неоплатный долг» интеллигенции народу, помочь ему в нелегкой жизни, с другой — вывести его через агитацию и просвещение на революционный путь. Началось «хождение в народ», во время которого молодые люди, вдохновленные высокими идеями, отправились в деревни учителями, фельдшерами, волостными писарями, ремесленниками и т. д.. Подобного рода движение не могло не потерпеть поражения: народ не понимал и не принимал своих «спасителей», последние же горько разочаровались в народе. Он совершенно не соответствовал тем абстрактным представлениям, которые сложились в пылу оживленных бесед в душных прокуренных петербургских каморках.

Лучшим результатом этого движения стало появление значительного числа публицистических произведений, посвященных русской деревне. Многие из примкнувших к нему представителей интеллигенции были литераторами, которые стали писать о крестьянстве. Самым ярким представителем этой плеяды является писатель Г. И. Успенский (1840–1902). Сын сельского дьячка, он учился в Петербургском и Московском университетах, писательством занялся в основном для добывания денег, на нем после смерти отца осталась забота о содержании семьи. Успенский был типичным разночинцем, т. е. принадлежал к той социальной группе, которая играла все более заметную роль в общественной и политической жизни страны.

Как и многие другие народники, Успенский видел в русском крестьянине источник искомой правды, воплощение тех добродетелей, тех высоких начал, в которых так нуждалась Россия. Как и для других, столкновение с действительностью (он был направлен по делам службы в Самарскую губернию) показало Успенскому, что он любил созданную им самим абстрактную идею, мечту, а о настоящем мужике не имел ни малейшего представления.

Получалось, что вся жизнь крестьянина сводилась только к тому, чтобы быть сытым: «...летом с утра до ночи без передышки бьются с косьюбой, с жнивом, а зимой

скотина съест сено, а люди хлеб, весну и осень идут хлопоты приготовить пашню для людей и животных, летом соберут, что даст пашня, а зимой съедят. Труд постоянный, и никакого результата, кроме навоза, да и того не остается, ибо и он идет в землю, земля ест навоз, люди и скот едят, что дает земля. Сам Бог, Отец Небесный, поминается только как участник в этой бесплодной по результатам деятельности лаборатории... Промучившись (на мой взгляд) таким образом лет семьдесят, обыватель и сам отправляется в землю... На том самом месте, где Иван Ермолаевич “бьется” над работой из-за того только, чтоб быть сытым, точно так же бились, ни много ни мало как тысячу лет, его предки и, можете себе представить, решительно ничего не выдумали и не сделали для того, чтобы хоть капельку облегчить ему возможность быть “сытым”... Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни малейших улучшений, облегчающих труд...»⁶

Разочарование было настолько сильным, что писатель решил вновь оправиться в деревню, чтобы все-таки попытаться понять, в чем же смысл крестьянской жизни и так ли она ничтожна, как ему показалось при первом с ней настоящим знакомстве. Результат был более утешительным: он открыл для себя, в чем смысл крестьянской жизни, — в том, что он назвал «власть земли». Однако ощутил всю глубину непонимания и чуждости между собой и крестьянством. Все, что волновало крестьянина, оставляло равнодушным писателя-разночинца, а то, что увлекало Успенского, заставляло зевать и скучать мужика. Взглянув на крестьянина новыми глазами, писатель-народник осознал, что все чаяния, возлагаемые на народ как на спасительную силу будущего, беспочвенны. Только сохранение традиционных устоев, по мнению Успенского, может спасти мужика от гибели. Свои переживания, разочарования и открытия Успенский изложил в очерках, посвященных русской деревне, таких как «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) и «Власть земли» (1882).

Писали о мужике и многие другие народники, хотя им не всегда хватало таланта и мужества Успенского, чтобы трезво оценить ситуацию в деревне. Так, известностью пользовались труды другого разночинца, народника, недоучившегося интеллигента, так же как и Успенский, начавшего писать от нужды Н. Н. Златовратского (1845–1911). В его работах содержится интересный материал, посвященный повседневному быту крестьянина, подробные описания сходов, переделов земли, деревенских посиделок, просто разговоры крестьян между собой (хотя его персонажи и говорят порой довольно сомнительным былинным стилем). В его трудах заметна идеализация деревни, но идеализация высокомерная, отстраненная, мол, я-то знаю мужика и вижу его насквозь. В целом же вся публицистика грешит в основном одним и тем же: крестьянство

используется для развития своих собственных политических идей, именно о них, а не о реальном народе пишет большинство авторов.

Свое видение народной жизни дает обширная мемуарная литература, в первую очередь дворянско-помещичья. Одним из первых подробно описал жизнь в деревне и занятия сельским хозяйством, правда в основном свои собственные, писатель, издатель, известный агроном и просветитель А. Т. Болотов (1738–1833). Он родился в обедневшей дворянской семье; оставшись сиротой, с юных лет поступил на военную службу, участвовал в Семилетней войне, рано вышел в отставку и уехал в родное поместье Дворяниново, где занялся опытной работой в сельском хозяйстве и писательской деятельностью. За свою долгую жизнь (Болотов прожил 96 лет) он успел сделать много: издавал первые в России сельскохозяйственные журналы, управлял имениями дворцового ведомства, выводил новые сорта плодовых растений, занимался микробиологией, лесоводством, агрономией, фармацевтикой и врачеванием и во многих отраслях был первым. Он много писал, прежде всего о сельском хозяйстве, составил, например, описание более 600 сортов яблонь и груш и, будучи еще и неплохим художником, сделал зарисовки каждого сорта. Он одним из первых в России стал серьезно заниматься садоводством, по его проектам были созданы уникальные садово-парковые ансамбли.

Свою насыщенную кипучей деятельностью жизнь А. Т. Болотов описал в подробных мемуарах, получивших название «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков». Именно благодаря им он лучше всего и известен. Конечно, как всякий мемуарист, Болотов пишет прежде всего о себе. Но жизнь в поместье, активная сельскохозяйственная деятельность, управление деревнями дворцового ведомства — все это постоянно сталкивало его с крестьянством. Именно поэтому он одним из первых мемуаристов-помещиков так много внимания уделил им.

Его взгляды на крестьянство типичны для его эпохи (пик деятельности Болотова пришелся на вторую половину XVIII в.) и для его сословия. Он описывает мужиков, как неразумных детей, которые иногда «шалят», но которыми вполне можно управлять при соблюдении должной строгости.

Так, приехав во вверенные его управлению дворцовые деревни, он обнаружил, что многие крестьяне деревни Киясовка «воры, грабители и дурные люди». Тогда он решил навести порядок и сделал это с помощью сурового наказания: «Мужики мои, увидев, что я нимало шутить не намерен и в состоянии действительно все то исполнить, наконец, подумав и поговорив между собою, смолвились, чтобы бросить все шалости и не только самим ничего дурного не предпринимать, но смотреть пристально и за другими»⁷.

Подробно описывает он и усмирение крестьянского бунта по поводу повышения оброка, обмер земли и многие другие подробности деревенской жизни.

Для большинства дворян-мемуаристов, живших и писавших в больших столичных городах, народ, крестьяне были воспоминаниями детства, проведенного в родном имении, что неизбежно окрашивало их впечатления в розовые тона. Они похожи одно на другое, вне зависимости от последующих взглядов авторов. П. Д. Боборыкин (1836–1921), человек, провозгласивший себя первым русским интеллигентом, считавший, что он исповедует крайне демократические идеи, с нежностью вспоминал о своем «барском» детстве в деревне. Трудно было ему объяснить, почему, несмотря на крепостное право, ситуация в деревне была лучше, чем после его отмены. Он, как и многие другие, относил это к гуманному управлению имением, которое было свойственно его родителям. «Слова мои, — писал Боборыкин, — покажутся парадоксом... Тогда царил крепостничество, а теперь мужик вольный... Но то, что мы тогда видели на деревенском «порядке» и в полях, не гнело и не сокрушало так, как может гнеть и сокрушать теперь. Народ жил исправно, о голоде и нищенстве кругом не было слышно. Его не учили, не было ни школы, ни фельдшера, но одичалости, распутства, пропойства — ни малейшего. Барщина, конечно, но барщина — как и мы понимали — не “чересчурная”. У всех хорошо обустроенные дворы, о “безлошадниках” и подумать было нельзя. Кабака ни одного верст на десять кругом... <...>. ...Хищно-сословного и даже просто насмешливо-пренебрежительного взгляда на деревню, на мужиков, баб, ребятишек мы не имели никакого. <...> И во мне, и в сестре моей, и в наших приятельницах жило, напротив, всегдашнее ласковое чувство к девочкам, к мальчикам, к молодухам и старухам. Мы ходили в лес и поле с ребятами собирать грибы, ягоды, цветы, не испытывая никакого брезгливо-дворянского чувства. <...> И сестры, и я сохраняли интимную связь с нашими кормилицами и знали своих молочных братьев и сестер...»⁸ И так далее, в том же духе. Такого рода идиллические картины сельской гармонии встречаются во многих мемуарах XIX — начала XX в.

Идеализация крестьянской жизни особенно усиливалась в эмиграции, в которой вынужденно оказались многие представители русской интеллигенции и дворянства после революции 1917 г. Те, кто при царском режиме активно разоблачали и горячо критиковали, кто показывали страшную безысходную жизнь простого мужика, загубленного неправильной политической системой, оказавшись вдали от родины, с особой ностальгией вспоминали тот старый мир, который не только теперь был закрыт для них, но и не существовал больше. Тот же Иван Бунин, столь мастерски показавший дикость и убожество крестьянства, в написанной в эмиграции «Жизни Арсеньева» заметно меняет тональность и вспоминает совсем другую деревню: «...пустынные поля,

одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... В селе мужицкие дворы все большие, зажиточные, с древними дубами на гумнах, с пасаками, с приветливыми, но независимыми хозяевами...» Тут и веселые трудяги-косцы, и смеющиеся бабы в пестрых одеяниях, и бойкие девки, поющие за работой, и старая няня-крестьянка, называющая себя постоянно «холопкой», а на самом деле важнейший член семьи, и звуки, и запахи, и чувства. Это совсем другая Россия, непохожая на ту, которая казалась такой дикой и варварской до того, как ее потеряли.

Интересны воспоминания-размышления Ф. А. Степуна (1884–1965) — философа, писателя, социолога, написанные им в эмиграции в 1937 г. Как и другие, он с нежностью вспоминает детство в деревне, знакомых мужиков и баб, простую и ясную жизнь. Он грустно высмеивает тех бывших помещиков, которые не то чтобы не любили, а никогда не понимали крестьян, бывших для них скорее частью прекрасного русского пейзажа, чем живыми реальными людьми: «...о своих крестьянах наши помещики-эмигранты чаще всего вспоминают с совершенно такою же нежностью, как о березках у балкона и стуке молотилки за прудом». При всем негативном отношении к новой большевистской власти он признает, что перемены были нужны, и они происходят. Он даже согласен с тем, что они справедливы, ибо «из человеконенавистнической, большевистской революции народ выйдет окончательно очеловечившийся стихией. Разница между людьми высших классов и многомиллионным массивом народа исчезнет».

И все-таки он тоскует по старой крестьянской России. Именно вдали от нее, изучив и сравнив положение народов европейских стран, Степун осознал всю силу ушедшей деревни, столь естественной в своей неразрывной связи с природой. Благодаря новому социальному переустройству общества «русская жизнь во многих отношениях станет лучше и справедливее, но какою-то своею таинственною красотой она оскудеет. С исчезновением народа как стихии неизбежно изменится и то русское чувство природы, то утонченное осязание ее одухотворенной плоти, ее космической души, которым так значительно русское искусство. У современных европейцев его уже нет, конечно, потому, что в наиболее цивилизованных странах Европы народ уже давно как бы расхищен по отдельным индивидуальностям. Французский и немецкий народы — это прежде всего люди, русский, дореволюционный, главным образом крестьянский, народ — это еще земля. Мне думается, что особая одухотворенность, хочется сказать, человечность русской природы есть лишь обратная сторона природности русского народа, его глубокой связанности с землей. Очевидность этой мысли бросается в глаза уже чисто внешне: в Европе... лицо земли в гораздо большей степени определено цивилизованными усилиями человеческих ума и воли, чем первозданными стихиями природы. Русская же

дореволюционная деревня была еще всецело природной: жилье — бревно да солома, заборы — суги да хворост, одежда — лен да овчина, дороги, за исключением редких шоссе, не проложены, а наезжены. А за этим, цивилизацией еще не разбуженным миром, подобный коллективному “дяде Ерошке” — тот русский народ, на котором держалась наша единственная по вольности своего дыхания, во многом, конечно, грешная, но все же и прекрасная жизнь.

Жизнь эта убита, ей никогда не воскреснуть»⁹.

Материалы частного характера, созданные самим крестьянством, крайне редки и почти совсем не опубликованы. Сохранились в архивах письма крестьян домой, отдельные заметки. Есть и воспоминания, во второй половине XIX в. их публиковали отдельные журналы. Однако они малочисленны и написаны, как правило, не столько крестьянами, сколько выходцами из деревни, нередко достигшими успехов на купеческом или ином поприще. Хорошо известно, что крестьяне не понимали интереса посторонних к их повседневности. День, месяц, год прожит в привычном ритме, о чем же тут писать. Обсуждение своей работы было неинтересно, она и так заполняла всю жизнь крестьянина без остатка. Крестьянская жизнь и крестьянский труд не располагали к мемуаристке.

Другие социальные группы отстояли от крестьянина еще дальше, чем помещики. Например, купечество хотя и вышло в основном из крестьянского сословия, однако не могло примириться с некоей, по их мнению, «бесхозяйственностью» мужика, довольствовавшегося хлебом насущным, с отсутствием инициативы в его деятельности и склонностью к традиционализму. Еще И. Т. Посошков, видный предприниматель начала XVIII в., считал, что все трудности крестьянской жизни проистекают от его лености и неумения устроить свой быт и отношения друг с другом.

В своем знаменитом труде «Книга о скудости и богатстве» Посошков детально рассмотрел все основные проблемы современной ему жизни. Он назидательно отмечал, что «крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их». И далее: «И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и друг другу обид не чинили, то бы все крестьяне были сыты и было б житие их святое»¹⁰. Вместе с тем он советовал царю больше заботиться о земледельцах, в том числе и защищать их от помещиков, ибо «нищета крестьянская оскудение царственное». Советы царям, надо отметить, привели Посошкова в конце концов в Петропавловскую крепость, где он и окончил свои дни.

Если русские дворяне и купцы не понимали русского крестьянина, то что говорить об иностранных авторах, вообще с трудом вникавших в странную и непонятную для них русскую жизнь. И все-таки свое видение русского народа, со стороны, дают и они.

Как и русские авторы, иностранцы обратили серьезное внимание на русского крестьянина только к середине XIX в. До этого сведения о нем отрывочны и малосодержательны. Впрочем, на фоне скудных источников о быте и нравах тех времен определенный интерес представляют и они. В центре всех построений и умозаключений, касавшихся простого народа, стояло две непреложных для иностранных наблюдателей истины касательно русской жизни: вечный и страшный холод, определявший, по их мнению, весь бытовой уклад, и безграничная власть правителя, сформировавшая нравы.

XVI в. Начало регулярных контактов и, как следствие, все возрастающее число записок о Московии. З. Герберштейн — австрийский дипломат, большой авторитет в области русской жизни. Его труд во многом определил основные направления восприятия русской жизни в Европе на несколько столетий. Он приводит следующие сведения: «Крестьяне шесть дней в неделю работают на своего господина, а седьмой день предоставляется им для собственного хозяйства. У них есть несколько собственных, назначенных им господами полей и лугов, которыми они и живут; все остальное принадлежит господам. Кроме того, положение их весьма плачевно еще и потому, что их имущество предоставлено хищению знатных лиц и воинов, которые в знак презрения называют их “крестьянами” или “черными людишками”»¹¹.

Итальянский дипломат, посетивший Россию в том же веке, обращает особое внимание на страшный холод, который странным образом уживается с распространенным мнением о хлебном изобилии в стране: «Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, — несмотря на то, что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году»¹².

В XVII в. в составе дипломатической миссии приезжает в Россию немец Адам Олеарий. Он подробно описывает путешествие по стране. Его первая встреча с русским народом вполне живописна. Для увеселения почетных гостей были приглашены местные жители. «Здесь мы услышали первую русскую музыку, — сообщает Олеарий, — а именно в полдень 23 того же месяца, когда мы сидели за столом, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Феодоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин. Ведь русские в танцах не ведут друг друга за руку, как это принято у немцев, но каждый танцует за себя и отдельно. А состоят их танцы больше в движении руками, ногами, плечами и бедрами. У них, особенно у женщин, в руках пестро вышитые носовые платки, которыми они размахивают при танцах, оставаясь, однако, почти все время на одном месте».¹³ Правда, подобного рода радушие было не повсеместно. В

следующей деревне русские мужики напустили на всю делегацию пчел, чтобы иностранцы в ней не задерживались.

Олеарий развивает идею хлебного изобилия в стране: «В иных местах в стране, где хлеб не находит сбыта, земля не обрабатывается более (хотя это было бы возможно), чем требуется для надобностей одного года; там никаких запасов не собирают, так как все уверены в ежегодном богатом урожае». И это несмотря на страшные морозы, которые подтверждает автор: он пишет, что сам убедился в том, что если плюнуть в Москве зимой, то плевков долетает до земли уже в виде льдинки, приводит и другие впечатляющие данные. С немецкой практичностью Олеарий сетует на запустение многих плодородных земель, которые крестьяне не обрабатывают, т. к. им и так хватает на пропитание¹⁴.

Несмотря на резкую критику тирании русских правителей, именно в их отношении к крестьянству Олеарий видит больше достоинств, чем недостатков. Он обращает внимание на политику Алексея Михайловича, который, по его мнению, «подобно отцу своему, не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел. Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям и несчастьям, то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству»¹⁵.

В XIX в. появляются наконец и серьезные исследования русской крестьянской жизни. И здесь надо в первую очередь назвать имена немца Августа фон Гакстгаузена и англичанина Дональда Маккензи Уоллеса. Подробнее о первом будет сказано ниже.

Знакомство с Россией началось для Маккензи Уоллеса с известной книги Гакстгаузена о России. Выучив русский язык, Уоллес в марте 1870 г. приехал в Петербург для серьезного изучения обстановки в России. Работа его строилась следующим образом. Зимы он проводил в Петербурге, Москве или Ярославле, в летние месяцы разъезжал по стране, собирая информацию у местных властей, земельных собственников, купцов, священников и крестьян. В «Энциклопедическом словаре», изданном Брокгаузом и Эфроном, отмечалось, что Уоллес «...в течение 6 лет наблюдал учреждения и строй России, для чего изучил русский язык, ознакомился с русской литературой и даже имел терпение прочесть всю многотомную историю Соловьева»¹⁶.

В декабре 1875 г. он вернулся в Англию, но продолжал поддерживать постоянную переписку с русскими друзьями, так что он имел возможность внимательно следить за тем, что происходит в стране. В результате им была написана книга «Россия» (1877, русский перевод 1880–1881), которая долгое время оставалась самым авторитетным

описанием России до революции 1917 г. Книга была рассчитана на широкий круг читателей и состояла из двух томов. Первый представляет собой описание путешествия Уоллеса по России, второй — научное исследование, посвященное отдельным проблемам русской жизни (религиозным сектам, нерусскому населению, взаимоотношению церкви и государства, восточному вопросу и главным образом крестьянскому вопросу, отмене крепостного права и последствиям отмены).

Определенный интерес представляют частные дневники и записки иностранцев, приезжавших в Россию, начиная со вступления на престол Александра II, в значительном количестве. В своих неустанных поисках разгадки русского характера они неизбежно обращались к русскому крестьянину. Именно в нем, по их мнению, сохранялись в полном виде те национальные черты, которые постепенно, под воздействием европейского влияния, утрачивали другие слои общества. Главный авторитет для многих иностранных читателей по вопросам русской жизни — польский эмигрант Адам Гуровски. Он так писал по этому поводу: «Крестьянство образует широкий и прочный фундамент всего национального общественного здания. Оно является незатихающим фонтаном подлинно национальной жизни. Все другие социальные слои, кстати, также в разное время вышедшие из него, надстраиваются на эту основу, и, как и везде, постоянно питаются свежими соками народной жизни, необходимыми для их существования... Народ, или крестьянство, в наиболее четком и чистом виде сохранили национальные черты славянского характера»¹⁷.

Дворянство и интеллигенция считались более космополитичными и менее национальными. Вместе с тем, в силу того, что большинство путешественников проводили время в двух столицах, общаясь, как правило, именно с высшим обществом и уж во всяком случае с наиболее образованными представителями русского дворянства, они судили о русском характере именно по своим аристократическим знакомым, а приписывали эти черты всему народу в целом. Отсюда часто неожиданные суждения, например об удивительных способностях русского крестьянина к изучению иностранных языков и к восприятию художественной литературы.

Знакомство же иностранцев с «русским мужиком» в XIX и XX вв. было крайне поверхностным. Чаще всего о русском крестьянине путешественники судили по деревням, увиденным из окна поезда или кареты по дороге из Европы в одну из столиц или из Петербурга в Москву. Надо отметить, что фантазия и готовые стереотипы занимали центральное место в подобных «впечатлениях». Так, один из них, описывая свое путешествие между столицами, делится следующими размышлениями по поводу увиденной из окна поезда *настоящей* русской жизни. «Их надо видеть вне города — в их

глухих деревнях, — писал американский турист, глядя из окна вагона на подмосковные села, — и домах, разбросанных по бескрайним просторам; там невозможно спрятать страшные уродства их исковерканной, разбитой жизни; там вы можете во всей красе увидеть уровень их цивилизации. В избах этих несчастных людей почти нет никаких удобств. У многих нет ни кроватей, ни стульев, и жители ведут своего рода походный образ жизни внутри своего дома, готовят пищу подобно индейцам, и спят вповалку, прижимаясь зимой к земляной печи или камину, вокруг которых они ложатся прямо на голую землю, подобно стаду животных, для того, чтобы согреться»¹⁸. Наибольший интерес в этом отрывке представляет обилие и разнообразие «увиденного» автором, принимая во внимание тот факт, что он был в России летом, а столичные города покидал только для перемещения из одного в другой.

Судили иностранцы о русском крестьянине также и по городской бедноте, прозябавшей в столицах. Очень часто описание «настоящего» крестьянина сводилось к зарисовкам из жизни петербургских нищих. «27 июля, воскресенье, — читаем в дневнике одного из иностранных путешественников, — нашли чистые комнаты в гостинице Эдварда Билло, которые я от всей души рекомендую всем путешественникам. После обеда я пошел в Кремль, но увидел только часть его стен. Не без некоторых проблем находил я дорогу по улицам, заполненным людьми, по сравнению с которыми дикие бедуины, живущие в пустынях, которых я видел в Египте и Сирии, выглядят чистыми и опрятными. Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство русских бедняков совершенно полностью покрыто, измазано, залеплено жиром и нечистотами, а их волосы кишат грязью животного и неживотного происхождения»¹⁹. Подобного рода описания, шокируя, запоминались своим натурализмом и дикостью и являлись благодатной почвой для произрастания стереотипных представлений о русском народе в целом.

Особый интерес представляют описания русского народа, сделанные американцами. Отмена рабства, произошедшая в США практически одновременно с отменой крепостного права в России, привлекла особое внимание именно американцев к проблемам крестьянской жизни. Обращает на себя внимание то брезгливо-высокомерное чувство, которое испытывали американские путешественники к простому народу. Куда только девался их демократизм, который они не уставали подчеркивать, рассказывая о встречах с русским дворянством. При столкновении с простым человеком от него не оставалось и следа. Выше уже приводились характерные высказывания по поводу русского крестьянина. Вот еще одно, говорящее само за себя: «Простой народ чрезвычайно нечистоплотен... Русские крестьяне, в целом, очень грязны. Некоторые

отвратительные бытовые традиции я раньше не мог себе даже представить. Их описание испачкало бы сами страницы этой книги»²⁰.

Русского крестьянина сравнивали для наглядности и доступности понимания не только с американскими неграми-рабами, но и с американскими индейцами. С первыми их объединяли черты характера, сложившиеся под влиянием рабства, а со вторыми — общая дикость и нецивилизованность. Обобщающий портрет русского крестьянина, воплощавшего национальные начала, выглядел следующим образом: «Религия русского крестьянина очень проста. Ее главная доктрина заключается в следующем: если он крестится тремя пальцами, он будет спасен, если двумя, проклят... Добавьте к этому, что он воздерживается от работы в воскресные и праздничные дни, носит овечий полушубок даже летом, спит в одежде, не слишком часто беспокоит свои волосы гребнем, посещает могилы предков раз в году, чтобы там поесть и выпить все картофельное бренди, которое он смог достать, не забывая оставить на могиле часть еды, для подкрепления умершим, и вы получите картину нравственного, физического и интеллектуального состояния русского крестьянина»²¹. Подобное описание прекрасно гармонирует с иллюстративным материалом, изображавшим крестьянина и вообще простой народ в виде странных лохматых существ, одетых в нелепые живописные меховые лохмотья.

Наконец, особое значение для понимания мира русского крестьянина имеют этнографические данные. За последние два столетия был собран богатейший материал. Здесь надо отметить и деятельность созданного еще в 1845 г. Русского географического общества, уделявшего большое внимание сбору данных о жизни русского крестьянства, непрерывающуюся деятельность Московского, Петербургского и других университетов, труды отдельных энтузиастов-одиночек, посвятивших свою жизнь этнографическим и фольклорным изысканиям, как, например, А. Н. Афанасьев. Этнографы в отдельные периоды, особенно заметно в советский период, чрезмерно увлекались сбором и изучением памятников материальной культуры, как-то: одежда, посуда, прялки, полотенца и т. д. Однако наряду с этим собирался и реальный живой материал, касающийся повседневной жизни русского народа.

Особое место в изучении русского крестьянства занимает деятельность Этнографического бюро князя Тенишева. Князь В. Н. Тенишев был человеком удивительным: потомственный дворянин, он успешно занимался бизнесом и стал одним из крупнейших предпринимателей своего времени. Одновременно с этим он успешно занимался наукой, в частности социологией, разрабатывал основы того, что сейчас бы называли менеджментом. Он участвовал в деятельности Русского императорского общества, являлся основателем престижного учебного заведения (только строительство и

обустройство здания обошлось ему в 1 млн руб. — деньги по тем временам огромные), писал книги, был Генеральным комиссаром Русского отдела на знаменитой Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Его вторая жена, княгиня М. К. Тенишева, была известной меценаткой, покровительствовала художникам, в числе прочего увлекалась народным искусством (все это на зарабатываемые князем средства). Тенишев многое успел сделать за свою не слишком долгую жизнь. К сожалению, его имя и деятельность были надолго преданы забвению (неблагодарные потомки даже осквернили его могилу; в 1923 г. его тело было выброшено из склепа в имении в селе Талашкино под Смоленском).

Уникальной была деятельность этого незаурядного человека в области этнографии. На свои личные средства в 1897 г. он основал Этнографическое бюро, основной задачей которого был сбор материалов, касающихся жизни русского крестьянина. При этом упор делался на всестороннее изучение его мира, как внешнего, так и внутреннего. Время было беспокойное, назревала революция и, помимо чисто научных побуждений, Тенишев, увлекавшийся социологией, хотел, проанализировав ситуацию в деревне, попытаться просчитать возможные варианты выхода из политического кризиса.

Была составлена подробнейшая программа исследования, включавшая в себя все возможные аспекты народной жизни (в опубликованном виде она составляет более 110 страниц!). К работе в бюро привлекались известные специалисты. Но самое трудное было организовать сбор сведений на местах. Обычно такого рода общества пользовались услугами энтузиастов-добровольцев. Тенишев был деловым человеком, он понимал, что для проведения всестороннего, быстрого и качественного опроса одного энтузиазма мало. Им были установлены гонорары, и вполне приличные, за присылаемые сведения. Причем чем качественнее они были, тем выше была оплата (15–30 руб. с печатного листа). Всего содержание бюро обошлось Тенишеву в 200 000 руб.

Помимо этого, Тенишев понимал, что деревня не любит и не принимает чужаков. С одной стороны, мужику присуща подозрительность, что это за человек с бумажками ходит, все выпрашивает и записывает, с другой — некоторая склонность к показухе — все хорошо, все отлично и спроса никакого. Поэтому важно было найти людей, пользовавшихся доверием среди крестьян. Была составлена сеть внештатных корреспондентов на местах, включавшая в себя местную интеллигенцию: учителей, врачей, священников, церковнослужителей, писарей, грамотных крестьян — всего около 365 корреспондентов. Их сведения посылались в бюро, а там обрабатывались. Работа охватила 23 губернии Центральной России. Был собран богатейший материал. К сожалению, ранняя смерть князя в 1903 г. не позволила довести дело до конца, систематизировать и опубликовать материалы. Бюро распалось, а все материалы были

переданы женой князя в архив, где они хранятся по сей день, известные только специалистам. Лишь малая часть была опубликована не так давно²². Но и она дает интереснейшие сведения о крестьянском быте, взглядах, мировоззрении.

Статистика неумолимо свидетельствует о том, что сельское население в России исчезает. Соотношение городского и сельского населения примерно таково: 1897 г. — городское 15%, сельское 85% (т. е. подавляющее большинство); 1959 г. — городское 52%, сельское 48% (т. е. примерно половина); наконец, последняя перепись 2002 г. — городское 73%, сельское 27% (т. е. явное меньшинство). Эта последняя цифра говорит о числе людей, живущих в сельской местности, что касается занятых земледельческим трудом, их гораздо меньше.

Многие считают, что возрождение России возможно только при условии возрождения крестьянства. Вопрос непростой, хорошо известно, что пути в прошлое, как бы оно ни было привлекательно (если представить, конечно, что бывает прошлое без недостатков и проблем), для народа и страны не существует. Жизнь подсказывает новые пути. Но крестьянское наследие в России живо, оно в характере, привычках, образе жизни современных людей.

Крестьянская община и ее влияние на русский характер

Одна из самых острых и спорных проблем современной жизни непосредственно связана с крестьянскими устоями. Сегодня много и уже как-то привычно говорят об общинном, коллективном или коллективистском сознании русского народа, его особой «соборности». Кто-то видит в этом главное достоинство русской жизни, залог преодоления общественных проблем. Другие полагают, что именно это мешает развитию индивидуализма и капитализма в России, рождает ненависть к «выскочкам», т. е. к успешным деловым людям, в конечном счете тормозит экономическое развитие страны. В последнее время появилось мнение, что общинность, коллективизм вообще не свойственны русскому человеку, а являются лишь домыслами сторонников особого пути развития России. За последние три века подобные споры велись не раз, особенно обострялись они в поворотные моменты русской истории: в середине XIX в. накануне великих реформ, этой своеобразной «перестройки» XIX в., в начале XX в. накануне революции, в 1920-е гг., перед началом коренного перелома в жизни русской деревни и т. д.

Причины сложившейся ситуации коренятся в особом укладе, которым веками жил русский крестьянин и который не мог не наложить отпечаток на его мировосприятие, а в конечном счете и на особенности русского характера. Речь идет о крестьянской общине, сами крестьяне называли ее «мир», «общество», «обчество». Чтобы разобраться в проблеме, необходимо сначала разобраться с тем, что известно об этом широко и повсеместно распространенном явлении, которое вместе с тем, как и вся крестьянская жизнь, не слишком хорошо изучено и описано в литературе.

По-видимому, на этом сходятся большинство исследователей, общинный строй жизни на Руси существовал испокон веков. Исторически общинные объединения могли носить названия «волость», «вотчина». Исследователь истории русского крестьянства И. Д. Беляев в середине XIX в. писал о том, что на Руси крестьянин не мог быть вне общины. Вне общины, по мнению историка, могли быть только или гулящие люди, или кабальные холопы, а крестьянин тем и отличался от них, что был членом общины²³. Оппоненты этой точки зрения (например, правовед Б. Н. Чичерин²⁴) считали, что община никогда не имела особого значения в русской истории, а в современном виде была организована законодательно в эпоху Екатерины II. Ограниченный круг источников по данной теме не позволяет окончательно разрешить этот спор, и по сей день появляются работы, опровергающие естественность крестьянской общины. А поскольку проблема русской общины тесно связана с острыми политическими вопросами, можно предвидеть, что споры о ее происхождении, развитии и особенностях так и будут периодически возникать.

Реальностью, однако, является сам факт существования общины. В XIX в. ее уклад, строй и быт были многократно описаны, нет сомнения, что это было явление повсеместно распространенное, естественное для русского крестьянина и во многом уникальное.

Внимание к проблемам русской общины, как это ни странно, привлек немецкий исследователь Август фон Гакстгаузен, он же составил ее первое подробное описание. Иногда его называют первооткрывателем русской общины, что, конечно, является некоторым преувеличением, т. к. вопросы общинной жизни поднимались еще в Екатерининскую эпоху. Однако его значение в привлечении внимания широкой общественности к проблемам русской деревни, безусловно, велико.

Барон Гакстгаузен (1792–1866) приехал в Россию, имея за плечами серьезный опыт изучения прусского крестьянства и крестьянской реформы в Пруссии. Серьезный исследователь, он долго и обстоятельно готовился к поездке, знакомился с русской историей, переписывался с Министерством государственных имуществ, изучал присланные ему материалы. Русское правительство было заинтересовано в этой поездке.

Император Николай I лично велел назначить Гакстгаузену пособие в 1500 руб., впрочем особо обращая внимание на то, чтобы это путешествие не выглядело как правительственная мера. Позже русское правительство финансировало и издание трудов немецкого ученого.

Были особые причины подобной благосклонности. России не очень везло с иностранными путешественниками. Незадолго до этого вышла в свет книга французского журналиста А. де Кюстина, которому во время его пребывания в стране также покровительствовало русское правительство. Результат, однако, оказался огорчительным: Кюстин, не стесняясь в выражениях, критиковал русскую действительность, на живом материале наглядно подтвердив излюбленный европейский стереотип о варварстве русских. Зная о позитивном отношении Гакстгаузена к России, император, видимо, надеялся на создание альтернативного видения русской жизни и поднятие престижа страны в мире.

Гакстгаузен прибыл в Россию в 1843 г., встретился с императором и отправился в путешествие по российским городам и весям. Благодаря высокому покровительству и научной любознательности он имел возможность заглянуть в те уголки России, куда обычно не заглядывают иностранные путешественники. Результатом стало серьезное обстоятельное исследование, опубликованное на немецком и французском языках, а позже переведенное и на другие европейские языки. В работе Гакстгаузен одним из первых в науке подробно описал русскую общину, которой он дал самую высокую оценку, считая, что Россия уже осуществила «утопические мечты Сен-Симона, причем без атеизма, который питает французскую социалистическую систему»²⁵. Он ратовал за сохранение и укрепление крестьянской общины, считая, что именно в ней залог будущего благополучия страны.

Надо отметить, что альтернативой книге Кюстина работа Гакстгаузена все-таки не стала. Француз писал легким, журнальным стилем, рассчитывая на массового читателя, более того, писал о том, что хотел прочесть этот самый европейский читатель о далекой варварской России. До сегодняшнего дня книга Кюстина сохраняет свою популярность и регулярно переиздается на Западе. Труд Гакстгаузена — трудночитаемое научное исследование, по-немецки обстоятельное и многословное. Однако в чем-то чаяния русского правительства оправдались: работы Гакстгаузена о России получили широкое распространение в научной среде, сформировали в разных странах целую плеяду ученых, обративших внимание на изучение русской истории. Наконец, он привлек внимание русской общественности к такому важному вопросу, как русская община.

Юридически существование и принципы функционирования общины впервые были закреплены в законодательстве 1861 г. Интересно, что именно с этого момента началось ее разрушение.

Итак, что же такое русская община, как она функционировала. Под общиной подразумевается объединение крестьян, живущих в одном или нескольких соседних селениях и решавших совместно основные вопросы трудовой и повседневной жизни. Сложность заключается в том, что община изначально была объединением естественным, исходившим из целесообразности жизни, причем целесообразности в крестьянском понимании, не всегда доступном остальным. Ее деятельность в значительной степени определялась двумя важнейшими факторами — традицией и здравым смыслом. Отсюда проистекает и неизбежное расхождение в функционировании каждой конкретной общины, в зависимости от региональных условий жизни, ее размеров, состава и т. д.

Единого правила или писаного закона здесь не было и быть не могло. Более того, община была настолько привычной частью жизни крестьянина, что они нередко не могли и объяснить, как действует общинная система, просто жили по определенным правилам, как их деды и прадеды. Показательный эпизод приводит английский путешественник Маккензи Уоллес, путешествовавший по России в 1866 г. На его, казалось бы, простой вопрос: «Что такое «мир»?» — растерявшийся крестьянин совершенно не знал, что ответить. Когда же англичанин попытался объяснить, что он имеет в виду и что хочет узнать, крестьянин «свел брови и почесал затылок». «Это последнее движение, — иронизирует иностранец, — является у русских крестьян главным способом расшевелить мыслительные функции, но в данном случае оно не привело к практическим результатам»²⁶. Единственное, чего добился любопытствующий путешественник, — это традиционного русского «Как вам сказать?». Попав же в родную деревню крестьянина, Уоллес сполна удовлетворил свое любопытство, став свидетелем деревенских сходов.

Общинный сход, или сходка, были основным способом решения деревенских проблем. На нее собирались представители от каждого хозяйства, дома, чаще всего это были мужчины, главы семейств. Впрочем, и здесь не было единства, в некоторых местах активное участие в сходках принимали и женщины, иногда число представителей от дома зависело от размеров семьи. Все зависело от местной традиции.

Исполнительная власть была представлена выборными старостой и писцом. Староста собирал сходки, вел собрание, писец записывал особо важные решения. Безусловно, в старосты старались выбрать наиболее уважаемого человека, пользовавшегося доверием общества. Однако функции, возлагаемые на него, были скорее организационные, чем начальствующие. Его в любой момент могли переизбрать, если его

деятельность чем-то не устраивала крестьян. После отмены крепостного права, когда должность эта получила юридическое закрепление, старосте приходилось выполнять больше официальных обязанностей, больше зависеть от разного рода начальников, и в старосты нередко шли крайне неохотно. Вообще, всякое вмешательство в естественный ход жизни общины приводило к ее подрыву.

На сходках при обсуждении разного рода вопросов, волнующих крестьян, много спорили, обсуждали, даже ссорились и ругались. Решение принимали чаще всего по обоюдному согласию, реже голосовали. Решение сходки считалось обязательным для всех, и все беспрекословно ему подчинялись. Это удивляло сторонних наблюдателей: до хрипоты спорили, высказывали разные точки зрения, не соглашались, но как только решение принималось, все успокаивались, как будто оно было единым.

Писатель-народник Н. Н. Златовратский в своем рассказе о деревенских буднях приводит интересный эпизод. В разгар напряженной страды, когда силы всех были уже на исходе, было принято решение объявить выходной по случаю небольшого церковного праздника, устроить себе передышку. Один зажиточный старовер возмутился этим решением и заявил, что его семья на работу все-таки выйдет. Возмущение тем, что кто-то не хочет исполнять волю общины, было всеобщим. В адрес несогласного раздались немедленные увещевания и даже угрозы.

Крестьяне, как водится, сразу помянули «новые порядки», посетовали о переменах в деревне: «На миру, брат, все ладно должно быть!.. Вот что!.. Экое своеволие появилось! Господи!.. Да это хошь не живи по-людски... Так вот одно остается — огородиться всем от каждого конурами да и жить по-собачьи... Одно остается!.. Конечно, одно! Такой народ повелся... Сладу в мире никакого не стало: ни те Бога не помнят, ни те к миру уважения нет... Все в своеволие пошло, все в особицу...»²⁷ Но это были уже новые веяния, дело происходило в конце 1870-х гг., к тому же скорее исключение, чем правило (кстати, на работу старовер выйти все-таки не решился). Вообще же решение схода было обязательным для всех.

Для того чтобы лучше представить, как проходила сходка и принимались решения, лучше всего обратиться к мнению тех, кто непосредственно наблюдал весь этот процесс. Первое мнение — самих крестьян, как оно было записано в конце XIX в. корреспондентами Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева во Владимирской губернии. «На сходе, перед тем как принять решение, — сообщают информанты бюро, — слушают советов опытных и уважаемых всеми крестьян. Корреспондент приводит в качестве примера обсуждение сходом дела о порубке общественного леса соседними крестьянами, где вместо того, чтобы подумать и спокойно принять решение, крестьяне

бестолково шумели. Шум продолжался до тех пор, пока всеми уважаемый старик не вмешался в дело и посоветовал “не судиться на суседском деле”, а получить с нарушителей равное количество леса, отдав его на отопление церкви, ибо “это будет хорошее дело”. <...> Выпившие допускаются, пьяные в основном удаляются. <...> Ведут себя крестьяне на сходах бурно, бывает все, за исключением, пожалуй, драк»²⁸.

Второе наблюдение содержится в книге народника Н. Н. Златовратского «Деревенские будни» и относится к 1878 г.: «Сходка была нынче, видимо, полная. Большая толпа колыхалась против моей избы. Тут собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшиеся с заработков на страдное время, бабы и ребятишки... Прежде всего меня поразила замечательная откровенность непосредственного человека... он тут ни перед кем не стесняется, тут нет и признака дипломатии. Мало того, что он раскроет здесь всю свою душу, он еще расскажет и про вас все, что только когда-либо знал, и не только про вас, но и про вашего отца, деда, прадеда... Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо, по малодушию или из расчета, вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих, на особенно важных сходах, бывает очень мало. Я видел самых смиренных, самых безответных мужиков, которые, в другое время слова не заикнутся сказать против кого-нибудь, — на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преобразались и, веруя пословице: “на людях и смерть красна”, набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, *когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля*. Эта замечательная черта общественных сходов непосредственного деревенского человека особенно поражала меня»²⁹.

Круг вопросов, регулируемых общиной, был широк и разнообразен. Первый и самый важный вопрос — земельный. Именно он вызывал в свое время больше всего споров и критических высказываний в адрес общины. Вся земля, обрабатываемая крестьянами, находилась во владении общины. В личном потомственном владении крестьян находились только дворовые участки. Пахотные же земли община делила между крестьянами-общинниками. Причем во главу угла был положен принцип справедливости в том виде, в каком его понимали крестьяне. Все пахотные земли, находившиеся в общем переделе, мир делил на равные участки. Земли у общины могли быть разные — хуже и лучше, рядом с деревней и за рекой. Каждый получал свои полосы в разных местах, так

что всем доставался кусок и хорошей, и плохой, и дальней, и ближней земли. С одной стороны, это было по-честному. Каждый имел одинаковые условия и возможности для работы. Это то, что устраивало крестьян. С другой — нередко возникала ситуация, когда каждый хозяин имел узкую полосу земли в самых разных местах и был вынужден тратить много времени просто на переход от одного участка к другому, производительность при этом, естественно, падала. Это то, что не устраивало реформаторов.

Кроме этого, каждая семья получала свой надел в зависимости от ее размера. Принципы в разных общинах были разные (и, как правило, зависели от системы выплаты податей-налогов): в большинстве случаев раздел вели по «душам», т. е. земля полагалась лицам мужского пола, в некоторых случаях — по работникам, т. е. дееспособным членам семьи, где-то — по едокам, т. е. всем членам семьи. Время от времени, обычно каждые 10–20 лет, по мере необходимости производили передел. Необходимость передела была вызвана тем, что состав семьи менялся, а значит, возникала необходимость у кого-то забирать, кому-то давать больше. Для крестьян это было воплощением идеи справедливости, для противников общины — уравниловкой, не позволявшей крепким хозяевам вырваться вперед.

Конечно, подобного рода переделы всегда были болезненны, вызывали много споров и ссор. Иногда при распределении полос приходилось кидать жребий, иногда устраивались настоящие гонки — кто первый добежит, тот и пашет. Однако при всех трудностях и недостатках такой системы, она устраивала крестьянина и работала до тех пор, пока не вошла в противоречие с новым экономическим и политическим развитием России.

Исследователи полагают, что переделы земли — явление позднее, возникшее в связи с введением Петром I подушной подати, выплата которой напрямую зависела от количества имевшейся у семьи земли. Известны случаи, когда крестьяне, например вдова с маленькими детьми, отказывались от полагавшейся им земли в пользу общины, т. к. в этом случае с нее должны были снять и налог. Кто-то видит в этом подтверждение идеи о том, что община — детище целенаправленной государственной политики. Однако подобного рода система, даже если она и явилась следствием действий правительства, скорее, доказывает то, что общинные принципы были очень гибкими и подлаживались под любые сложности, исходя из принятых в крестьянской среде принципов правды и справедливости. К тому же деятельность общины отнюдь не ограничивалась исключительно решением вопросов о переделах земли.

Сообща устанавливали сроки и порядок проведения различных сельскохозяйственных работ. Так, все начинали пахать в один установленный день,

который часто был приурочен к какому-нибудь церковному празднику. Исходили при этом из опыта, погодных условий, конкретной ситуации, чаще всего следовали принятой веками традиции. Благодаря этому из поколения в поколение передавался опыт, появлялось чувство коллективной ответственности, принимались взвешенные решения.

Правда, приверженность традиции иногда приводила к абсурдным ситуациям. А. Т. Болотов возмущался тем, что крестьяне «косятся почти в одно время, несмотря, поспела ли трава или еще нет»³⁰. А земский деятель и писатель В. В. Селиванов отмечал, что крестьяне строго следуют церковному календарю. Так, например, в Зарайском уезде, где он проживал, они всегда сеяли капустную рассаду в Великий четверг, «чтобы мошка не истребила». При этом, огорчался он, «ежели страстная неделя бывает рано, еще на снегу, то разрывают снег, заранее готовят гряду и рассаду все-таки сеют»³¹. Надо предположить, что раз такое делалось, то капустная рассада, несмотря на огорчения писателя, все-таки приживалась.

Необходимость начинать какие-то работы в одно и то же время часто была вызвана практическими причинами. Так, например, существовал запрет на сбор грибов и ягод до определенного срока. Это позволяло ягодам созреть, иначе существовала опасность, что их соберут раньше времени, чтобы опередить соседей.

Еще более наглядно это было заметно во время сенокоса. Покосные луга находились в общем владении и на отрезки не делились. В назначенный день каждый занимал свой участок и косил его. В некоторых деревнях устраивались даже целые гонки на покосные луга: как только наступала назначенная для покоса дата, ночью хозяева торопились обогнать других, чтобы застолбить для себя лучший участок. Крестьяне шутили: «На пожар никто никогда не мчится так быстро и стремительно, как косец в закосный день на вольницу»³². Кто был первый, тот и побеждал, в спорных случаях решал жребий. Такие примеры опровергают нередко идеализированные представления об особом коллективистском характере русского народа, община в этом случае как раз и была нужна для того, чтобы навести порядок и поставить на место выскочек.

Важное место в деятельности общины занимало решение разного рода хозяйственных проблем. Они касались, во-первых, проведения совместных работ, а во-вторых, вопросов взаимовыручки и помощи в экстренных случаях. В этих случаях как нельзя лучше раскрывались преимущества общинной жизни. Община всегда оказывала помощь в случае несчастий: погорельцам, семьям ратников во время войн, вдовам и сиротам. Она давала ощущение защиты, уверенности. Помощь оказывалась и из чувства милосердия, соседской выручки, и в каком-то смысле из практических соображений — ты поможешь, тебе помогут (дай Бог, не понадобится). Крестьяне отмечали, что легче

организовать помощь погорельцам или осиротевшему семейству, поскольку «чувство сострадания заглушает всякий расчет и лень»³³. При этом речь идет именно об из ряда вон выходящих ситуациях, если проблемы возникали из года в год, по нерадивости хозяина, помощи в этом случае ждать не приходилось.

Организовывалась и помощь («помочи») в тех случаях, когда одни хозяева не могли справиться с работой, как-то: строительство дома, завершение уборки хлеба, возведение печи. В этих случаях предполагалось, что хозяева хорошо угостят после окончания работы. Причем участвовать должны были непременно все домохозяева, иначе помочи расстраивались³⁴. Принцип обязательной, можно сказать насильственной, справедливости в требовании от всех одинаковой работы действовал и в этом случае.

Однако наиболее ярко общинный быт отражают совместные работы, проводившиеся по очереди во всех домах. Например, во время осенней рубки капусты. Капуста — ценнейший продукт питания крестьянина, зимний источник витаминов, разнообразивший стол во время продолжительных постов, ее запасы были очень важны. Конечно, можно было каждой хозяйке в отдельности за несколько дней справиться с этой работой. Но в деревне часто предпочитали совместные работы, когда все женщины переходили из избы в избу и сообща, за разговорами и песнями, рубили капусту в каждом доме. За день рубили по 5000 кочанов. Вечером угощались, танцевали. Тяжелый, скучный труд становился в этом случае праздником.

Вот как описывает подобного рода «помочь» в своих письмах их деревни А. Н. Энгельгардт. По приглашению его экономки Авдотьи крестьянки помогали в его хозяйстве: «Вечером было весело... на авдотьиной половине, шинковали и рубили капусту. Бабы и девочки пели песни и, наконец, покончивши с капустой, плясать пустились. Всем распоряжалась Авдотья, и даже ее муж, староста Иван, ни во что не вмешивался, потому что капуста — бабье дело. Все вышло очень хорошо: нарубили и нашинковали две огромные кадки, которые и поставили в кухне... Все “огородное” бабы из двух соседних деревень убирали у меня “из чести”; только картофель убирали “за потравы”. Работа “из чести”, толокой, производится даром, бесплатно; но, разумеется, должно быть угощение, и, конечно, прежде всего водка. Загадав рубить капусту, чистить бураки и пр., Авдотья приглашает, “просит” баб прийти на “помочи”. Отказа никогда не бывает: из каждого двора приходит по одной, по две бабы, с раннего утра. Берут водки, пекут пироги, заготавливают обед получше, и если есть из чего, то непременно делают студень — это первое угощение. “Толочане” всегда работают превосходно, особенно бабы, — так, как никогда за поденную плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличиться, так сказать. Работа сопровождается смехом,

шутками, весельем, песнями. Работают как бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а “помогать”. Баба из зажиточного двора, особенно теперь, осенью, за деньги работать на поденщину не пойдет, а “из чести”, “на помощь”, “в толоку”, придет и будет работать отлично, вполне добросовестно, по-хозяйски, еще лучше, чем баба из бедного двора... Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходят и такие бабы, которые водки не пьют; случается даже, что приходят без зову, узнав, что есть какая-нибудь работа»³⁵.

Выполняла община и частично судебные функции. Кражи, драки, земельные вопросы, практически все преступления, кроме уголовных (в этом случае требовалось вмешательство властей), разбирались на сходке, и наказание устанавливалось и приводилось в исполнение самими крестьянами. При этом в деревне действовали свои неписанные законы, обусловленные традицией и нередко шедшие в разрез с государственным законодательством. Страшными преступлениями, например, являлись поджог и конокрадство. Конь, в буквальном смысле, был кормилец семьи, без него крестьянская семья не могла справиться с непосильной работой и была обречена на голод. Поджог для деревни, состоявшей сплошь из деревянных домов, мог привести к полному ее уничтожению. Показательно, что во время судебного разбирательства по делу о поджоге отец преступника, услышав приговор о ссылке на каторжные работы на 6 лет, сказал только: «Мало ему, мерзавцу, — без срока надо бы»³⁶.

А вот мошенничество, обман, особенно в отношении интересов казны, крестьяне заторным не считали, отговариваясь фразами типа: «Не обманешь, не продашь», «Казна, ведь, нашими деньгами не разбогатеет: и так она, матушка, богата».

Не любила община и выносить ссор из избы, часто даже в отношении серьезных преступлений предпочитали решать вопрос сами, особенно если, по их мнению, преступник был не так уж и виноват. В этих случаях государственные власти вставали в тупик: сколько ни спрашивай, молчат крестьяне. Корреспонденты бюро князя Тенишева отмечали: «...при расследовании разного рода правонарушений крестьяне охотно отвечают на вопросы и высказывают свои предложения властям только в том случае, если есть уверенность, что преступник — человек чужой и не является членом данного общества». И напротив, «как только народ чует преступника в семье... народ молчит и по возможности уклоняется даже от близости начальства»³⁷.

В масштабах такой большой страны, как Россия, с разбросанными деревнями, добираться до которых из уездного города было порой долго и сложно, общинная система судебного разбирательства и наказания была, безусловно, важна. Она поддерживала

порядок, пусть даже и основанный часто на собственно крестьянском представлении о законности, создавала определенную стабильность в стране.

Община решала и административные вопросы. Среди них важнейшими были рекрутирование и сбор налогов. Здесь действовал принцип круговой поруки, удобный и крестьянину, и государству, и помещику (если крестьяне были помещичьи). Не каждый крестьянин в отдельности отвечал за выплаты налогов и оправку рекрутов перед начальством, а вся община несла коллективную ответственность. Это сильно упрощало решение проблемы и устраивало всех. Крестьянин чувствовал некоторую социальную защищенность: в случае непредвиденных обстоятельств община была вынуждена покрыть его задолженности (при условии последующего возврата долга). Государство или помещик получал свои подати, не вникая в то, каким образом они были собраны.

В случае с отправкой в солдаты община также брала на себя ответственность, решала, выбирала, входя в обстоятельства каждой семьи. Конечно, люди есть люди, действовали в этом случае и подкупы, и личные симпатии и антипатии, были обиды и несправедливости, однако в целом система работала.

Вопрос, важный для общинников, занимавший много времени на сходах, касался того, кому разрешить жить в деревне, кого можно отпустить. Ни один общинник не мог просто так уйти, например в город, без согласия мира. В этом случае его налоги и различные общинные работы падали на плечи оставшихся. Поэтому вопрос решался обстоятельно, чаще всего уходивший принимал на себя денежные обязательства, т. е. должен был выплачивать общине определенную сумму за свою «свободу».

Также серьезно относились и к приему новых общинников. Например, могли долго спорить о том, разрешить ли вернуться в родное село овдовевшей дочери общинника. Девушка, выйдя замуж, уходила жить в деревню мужа. Иногда, оставшись одна, она могла попросить разрешения ей снова жить в родных местах. Этот вопрос требовал особого обсуждения: вдова, да еще если и с детьми, — это лишняя обуза, а то и лишний надел земли впоследствии, когда вырастут сыновья.

Интересный случай описывает писатель-народник Н. Н. Златовратский. Единственным помощником старика, в доме которого он проживал, был внук. Бездетные сын и невестка жили в основном в городе, на заработках, приезжали только в разгар страды. Внук же был сыном умершей дочери, прибежал из соседней деревни и подолгу жил у одинокого старика. Дед все жаловался, что некому оставить в наследство дом и хозяйство, а на вопрос Златовратского о внуке ответил, что это почти невозможно. Сначала надо, чтобы внука отпустила одна, его собственная, община, а потом еще, чтобы приняла новая, дедовская. Вопросы в общине решались, исходя не из абстрактно

гуманных соображений, как это иногда представляют, а скорее из практических, исходивших из интересов крестьян, принадлежащих данному обществу. Именно поэтому подобная система и оказалась столь живучей.

В обязанности мира входило и решение многих семейных вопросов. Община состояла не из отдельных крестьян-общинников, а из крестьянских семейных дворов. От порядка в семьях во многом зависело благополучие и порядок в общине. Семейные дела в этой ситуации становились общественными, и вмешательство в них было для крестьян делом естественным. Дети (взрослые, конечно) могли пожаловаться на родителей, что слишком притесняют и не дают свободы. Престарелые родители могли обратиться к миру, если считали, что их недостаточно обеспечивают в старости. Бывало, что вся семья обращалась к миру с просьбой сменить главу семьи, в том случае, если он пил и пренебрегал своими обязанностями. Конечно, все эти вопросы старались решить в семьях полюбовно, но если согласия не было — вмешивался мир.

Община могла решать такие сугубо личные, даже интимные, дела, как отстаивание девичьей чести. Понапрасну ославленная девушка могла обратиться к миру за справедливостью. И после соответствующего обследования, проведенного деревенскими бабками, ее невинность могла быть подтверждена при всем честном собрании. Девушка после этого не только не подвергалась насмешкам, а даже, скорее, пользовалась уважением за то, что не побоялась бороться за свою честь.

А вот другой случай, описанный бывшим крестьянином. Молодая женщина пожаловалась, что ее деверь пытался ее изнасиловать, он же говорил, что просто шутил с ней. Собрался сход, выслушал обоих, долго судили-рядили и решили дело ко всеобщему удовольствию: «приговорили к водке за беспокойство деревни»³⁸.

Наконец, большая часть времени уходила на решение повседневных бытовых вопросов. Сообща выбирали пастуха, нанимали учителя в школу, рыли канавы для осушения полей и лугов, принимали решение о найме рабочих для строительства дорог и мостов и т. д.

Круг решаемых миром вопросов был чрезвычайно широк и многообразен. Представить его весь нет никакой возможности. А ведь были еще и местные, региональные проблемы, и вопросы, зависевшие от конкретной исторической ситуации. Народник Златовратский удивлялся: пока он жил в деревне, сходка собиралась каждый день. Спорили, что-то обсуждали. Он как человек пришлый часто не мог вообще понять, о чем идет речь. Успенский раздраженно писал о мирских сходках: «Самые, на мой взгляд, пустяшные, ничего не стоящие мирские дела... поглощают массу общественного внимания»³⁹. А важные, глобальные, с его точки зрения, вопросы оставались

нерешенными. Но община жила своими законами, сообразуясь со своими внутренними интересами, пусть и не всегда понятными внешнему наблюдателю.

Общинные отношения охватывали все стороны жизни русского крестьянина. Это отразилось в многочисленных пословицах и поговорках. Вот только некоторые: «Глас народа — глас Божий»; «на миру и смерть красна»; «что мир порядил, то Бог рассудил»; «что миром положено, тому быть так»; «мир заревет, так леса стонут»; «на мир и суда нет; мир по слюнке плюнет, так море»; «мир никем не судится, одним Богом» (из собрания В. И. Даля).

Община давала уверенность и защиту крестьянину. Жизнь крестьянина всегда была трудна, в этом все те, кто писали о его тяжелой доле, были правы. Неурожай, природная стихия, притязания разнообразного начальства, войны, забиравшие не просто близких людей, но и работников, без которых тяжелый крестьянский труд становился невыносимым, — все это было обычными тяготами русского земледельца испокон веков. Община помогала не просто выживать в непростых условиях крестьянской действительности, но и жить нормальной полноценной жизнью.

Традиционно много всегда писали об угнетении крестьянина. Действительно, он составлял основу, своеобразный фундамент общества. И все остальные: правитель, бояре, чиновники, помещики, позже даже купцы и фабриканты — стояли над ним. Учитывая некоторую склонность русского человека к иерархичности, крестьянину никогда не давали забыть об этом. Община давала ему определенную независимость, помогала сохранить достоинство. Наблюдатели свидетельствовали, что обычно сдержанный и уважительный по отношению к начальству крестьянин, «как только вступает в общество... он делается упрям, настойчив, требователен до приказания, крича во весь голос: “Мир велит, мир велик человек!”»⁴⁰. Самые тихие и застенчивые мужики без боязни выступали на сходах, отстаивая свою точку зрения.

Не случайно А. С. Пушкин в 1834 г., в разгар крепостничества и народного бесправия, написал своеобразный гимн человеческому достоинству крестьянина: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день...» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Как мало вяжется этот яркий образ с привычным стереотипом о забитом и

угнетенном крестьянине. А ведь бесправие и произвол действительно существовали. Но была и сила, позволявшая отгородиться от него, создав свой собственный, по-своему независимый мир.

«Миром» крестьяне называли свое сообщество. Слово «мир» в русском языке имеет по крайней мере три важных значения: 1) община, 2) отсутствие войны, 3) Вселенная. Для крестьянина его «мир» включал все это: объединял, защищал, составлял весь окружающий мир.

Безусловно, должны были быть и какие-то жертвы. Нельзя создать подобного рода социальную ячейку, ничем не поступившись. Самым важным здесь оказался отказ от личного в пользу общественного. Нет, конечно, существовала и личная жизнь и интересы, они были дороги и близки крестьянину так же, как и любому другому жителю планеты. Но в том случае, если личное приходило в конфликт с общими интересами, приходилось уступать. Англичанин Маккензи Уоллес писал о том, что личное приносится в жертву общественным интересам до такой степени, которую трудно представить представителям англо-саксонской расы. «И это не ведет ни к каким серьезным последствиям, — удивлялся англичанин. — Крестьяне привыкли работать вместе таким образом, идти на уступки ради общественного благосостояния и открыто, без стеснения, склоняться перед волей своего мира»⁴¹.

Русский крестьянин сам сделал свой выбор. Община была воплощением его представлений о правде. Она требовала, была строгой, но, по его мнению, справедливой. Важное сравнение приводит А. Н. Энгельгардт, упоминая рядом, в одном предложении государя и общину: «По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты»⁴². Это те две силы, которые давали крестьянину ощущение защищенности. И в народной поговорке они были связаны: «коли всем миром вздохнут, то и до царя слухи дойдут».

Система общинного самоуправления не могла не повлиять и на уклад жизни русского крестьянина. Жизнь «на миру», под неусыпным оком соседей, в совместном труде и с ощущением коллективной ответственности, не только не отбивала желания общения, но и, наоборот, создавала своеобразный коллектив. Люди общались не только вынужденно, по делу, но и проводили вместе свободное время: «В будние дни свободного времени фактически нет. Когда же оно выдается, то некоторые крестьяне используют его на плетение лаптей, а молодежь гуляет, мужчины ходят в волостное правление за новостями, набиваются битком, много балагурят. В основном свободное время бывает в воскресные и праздничные дни, тогда народ гуляет “под окнами толпами”, при этом

толкует о домашнем хозяйстве, ценах на хлеб, базаре, обмениваются новостями. В летнее время ходят на поля смотреть, как растет хлеб, устраивают хороводы, поют песни...»⁴³. Приняты также были совместные чтения вслух, иногда устраивавшиеся ежедневно. После чтения обсуждали прочитанное, делились мнениями.

Таким образом, община становилась не просто хозяйственным организмом, направленным на решение определенных экономических и политических задач, но и выполняла важную воспитательную функцию. Мужичий быт прост и часто груб. Община же в России осуществляла своеобразный нравственный контроль, что было чрезвычайно важно для крестьянской страны такого размера. Она учила уважать друг друга. Вот как описывается ритуал деревенского приветствия: «При встрече крестьяне кланяются друг другу, снимают шапки, называют по имени-отчеству... При встречах мужчины снимают шапки и подают друг другу руки. Женщины кланяются и здороваются»⁴⁴.

Эта церемонность поражала иностранцев. В большинстве случаев не имея возможности изучить русскую деревню, они делали зарисовки городской жизни, которая, в свою очередь, отражала деревенскую традицию. В середине XIX в. один заезжий американец поделился с соотечественниками следующей картиной московской жизни, демонстрировавшей читателю образчик «русской вежливости»: «...пара крепких нищих, неуклюжих, как медведь гризли, встречаются на улице и останавливаются друг перед другом с величайшей и педантичной торжественностью. Нищий номер один медленно, нарочито неторопливо снимает свой покрытый жиром картуз, грациозно размахивая им в воздухе и с выражением изысканного почтения выставляет на всеобщее обозрение пук спутанных волос... Нищий номер два отвечает в столь же изысканной манере, при этом ни один из них не произносит ни слова... Все кажутся рабами этой традиции — от царя до мужика... Не могу себе и представить, как нелепо выглядела бы пара возниц в Сакраменто или Сан-Франциско, встретившаяся в оживленной части города, если бы они стали снимать друг перед другом шапки и грациозным помахиванием изысканным образом приветствовать друг друга. Нет сомнения, что в нашей грубой стране [читай: самой цивилизованной в мире. — *Прим. автора*] это бы приняли за розыгрыш»⁴⁵.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на несколько важных для понимания общинной жизни моментов. Мир был достаточно независим в повседневных делах, а главное — в вопросах ведения хозяйства и обработки земли. Не говоря уже о государстве, но даже и помещики в большинстве своем мирились с независимостью общины и предпочитали не вмешиваться в ее внутренний распорядок. Лишь бы нормально работали, приносили доход, не бунтовали, а необоснованное втыкание булавок и насильное

выдавание замуж (что так часто приводили при описаниях взаимоотношений помещиков и крестьян) были развлечениями редких любителей острых ощущений, да и то касались в основном дворни.

Внутренняя жизнь общины строилась на принципах самоуправления, решение основных вопросов носило демократический характер. Безусловно, община была властью, а всякая власть зиждется на принуждении и подчинении. Но этот тип отношений сложился естественным путем и отвечал крестьянским представлениям о правде и справедливости.

Попытки перестроить общину на основании здравого смысла в дворянском, интеллигентском или еще в каком-нибудь понимании терпели крах. В худшем случае нарушали привычный ритм жизни и подрывали устои общины. Как всякое естественно возникшее явление, община могла естественно отмереть тогда, когда в ней перестали нуждаться, когда она стала не защищать и помогать, а мешать крестьянину. Это был единственно безболезненный путь преобразования деревенской жизни. Она действительно в конце концов умерла сама собой, но преждевременно, когда в советское время были уничтожены сами основы ее существования — совместное владение землей и возможность самостоятельно решать основные сельскохозяйственные и социальные вопросы.

Уникальным является длительность русской общины, сохранявшей свое значение вплоть до середины XX в. Уже за сто лет до этого община в Европе считалась анахронизмом и была упразднена в большинстве государств. В России же она пыталась адаптироваться к самым разным условиям: и к вторжению капитализма, и к насаждению социализма в деревне. Можно сказать, что пока в России существовало крестьянство, сохранялись элементы общинной жизни.

Причины подобного рода явлений, как правило, не поддаются логическим объяснениям. Большинство исследователей, стараясь найти некое материалистическое обоснование, ищут его в спасительных суровых географических и природных условиях, а также в необходимости защищаться от волков и различных врагов. Однако континентальный климат и дикие звери не являлись исключительно российской привилегией, хотя, вполне возможно, и сыграли объединяющую роль. Скорее, определяющее значение здесь сыграл характер русского крестьянина, предпочитавшего общественный уклад. Общинная жизнь давала возможность общения со своим кругом людей, совместного принятия трудных и ответственных решений, возможность обсудить и поделиться, а часто и повеселиться всем вместе.

Можно найти и другие особенности характера русского человека, которые делали общину необходимой для нормальной жизни. Это могла быть, например, и нелюбовь к принятию самостоятельных решений, стремление разделить ответственность. Или определенное буйство и неуправляемость русской души, которой необходим контроль и рамки. Или некое отсутствие здравого смысла. Хорошо известно, что крестьяне бездумно вырубали леса. Там, где есть лес, откуда удобнее везти, там и рубили. А о завтрашнем дне никто и не думал. Только власть помещика, если он заботился о своих крестьянах, или общины могла сдерживать бесконтрольную вырубку леса.

Не случайно общинные принципы построения отношений были характерны и в других областях русской жизни: ремесленники создавали артели, объединялись вместе рыболовы, охотники, сборщики кедровых шишек в Сибири, общежительный устав был самым типичным для русской монастырской жизни, существовали старообрядческие общины, даже купцы создавали некое подобие объединений на общинных началах. Удивительно, что и интеллигенция, далекая от народных традиций, в поисках путей преобразования общества объединялась в так называемые интеллигентские общины⁴⁶. В советский период и в школе, и на заводе, и в конструкторском бюро во главу угла ставилась задача создания коллектива. Получился коллектив — будет работа, нет коллектив — толку ждать нечего. Свойство образовывать мини-общины имманентно присуще русскому человеку.

Определенный интерес представляет мнение иностранцев о русской общине. В целом оценки были весьма благоприятными: «государство в государстве», «республика, управляемая своим законом, традицией и правителем», «патриархальная структура, обладающая властью, которую император не давал и не может забрать», «система, при которой каждый женатый человек имеет участок земли, рождает консервативных и миролюбивых людей» — такой представлялась русская община английским наблюдателям в XIX в. Ее считали своеобразным тестом на национальность: «где она находится, земля — русская и люди — русские». Подрыв общины грозил России уничтожением основ государственной власти: «... если глава семьи не господствует в своем доме, как может староста управлять своей деревней, губернатор — губернией, а царь — своей империей? Все авторитеты держатся и рушатся вместе»⁴⁷.

Раздавались и критические голоса: «До тех пор, пока члены сельской общины сохраняют прокрустово ложе периодического перераспределения земли и лишены возможности индивидуального развития... не может быть и речи о прогрессе, который стал возможен благодаря отмене крепостного права»⁴⁸. Но общий настрой был в целом положительным, общину считали демократической структурой, уживавшейся внутри

тиранической России: «Каждая маленькая русская община является в каком-то смысле независимой республикой»⁴⁹ или даже «деревенские общины представляют собой выборное конституционное управление крайне демократического толка»⁵⁰.

Сравнивая устройство русской деревни с западными поселениями, английский наблюдатель русской жизни отмечал: «В Западной Европе и Соединенных Штатах деревня не что иное, как маленький городок, в котором проживают различные ремесленники, фермеры, торговцы и их родные. Люди, которые могут также свободно уйти, как и пришли. Русская деревня... это собрание хижин, занимаемых людьми одного класса; людьми, которые не имеют права покупать поля, которые они обрабатывают; которые должны богатеть и разоряться вместе; которые сообща владеют своими землями и сообща платят налоги; которые сообща отдают своих детей в солдаты»⁵¹.

Интересная аналогия напрашивается с американской историей. Америку в XVIII–XIX вв. (между революцией и Гражданской войной) называли страной общин⁵². Для путешествия по незнакомым и опасным землям, а потом и для их освоения необходимо было держаться вместе. Общины здесь — явление тоже естественное и добровольное. Они были необходимы для защиты от индейцев, преодоления тягот пути, наведения порядка внутри непростого коллектива. Но строились и организовывались они совершенно на иных основах, связанных с особенностями формировавшейся новой американской культуры. Во-первых, огромную роль играл вождь, лидер, обладавший талантом организатора: «От вожака переселенцев требовалось умение сделать общину жизнеспособной, вдохновлять, убеждать, подкупать, а то и угрозами заставлять ее членов выполнять непривычные работы в неизведанных краях перед лицом неисчислимых опасностей». Без него общины распадались.

Во-вторых, обязательно был необходим документ, подписанный всеми членами общины, без него выполнять требований никто бы не стал. Все условия должны были быть предусмотрены и прописаны. Так, группа, отправлявшаяся на запад в 1849 г., составила обязательство, начинавшееся словами: «...подписывая настоящую резолюцию, мы обязуемся друг перед другом подчиняться всем решениям и установлениям, принятым большинством голосов, как законам, принимаемым на период путешествия...»⁵³. Та же группа приняла свою особую конституцию и законы. В случае перемены маршрута или еще каких-то причин каждый член группы мог покинуть свое и перейти в другое сообщество. Никаких долгосрочных обязательств здесь не предполагалось.

Как не похоже это на организацию русской общины, не признававшей лидеров, письменных документов, правил и систем, действующую всегда в зависимости от обстоятельств. Все ее члены были исторически связаны друг с другом и с землей, на

которой жили и работали. Термин один, а наполнение совсем другое, отсюда и трудности в понимании русской жизни.

В XIX–XX вв. не утихали споры вокруг общины. Что она — зло или благо России? Этот вопрос особенно остро вставал в моменты потрясений и перемен в стране. К сторонникам общины относились славянофилы, считавшие, что она удерживает крестьянина от пролетаризации, защищает от разорения. Они видели в ней некую патриархальную идиллию. К. С. Аксаков писал о том, что «мир есть народ, как одно мыслящее, говорящее и действующее целое»⁵⁴. Революционеры, такие как декабристы (П. Г. Каховский называл крестьянские общины «маленькими республиками») и народники, находили в ней зародыш демократических отношений, возможность перехода к новым формам государственного правления. Многие государственные деятели, стоявшие на охранительных позициях, так называемые консерваторы, считали ее благом. Например, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев полагал, что «одна общинная связь охраняет крестьянское население от обезземеления», а Россию — «от грозящей опасности», т. е. революции⁵⁵.

К числу противников общины относились разного рода реформаторы, в том числе и такие государственные деятели, как П. А. Столыпин, видевшие в ней тормоз развития новых отношений, капитализма, препятствие на пути прогресса в области сельского хозяйства, не дававшее ему развиваться нормально и в полную силу. Министр финансов С. Ю. Витте полагал, что «общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается и, в особенности, искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреет. Теперешняя жизнь народов вся основана на индивидуализме, все народные отправления, его психика основана на индивидуализме»⁵⁶.

Не одобряли общины и большевики. По их мнению, она отвлекала крестьянина от участия в революционном движении, привязывая его к земле и давая ему видимость защиты. В трудах В. И. Ленина содержится много критических и резких высказываний в ее адрес: землевладение в России «загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглогового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины». Из-за нее «в деревне задерживалось развитие и производительных сил, и общественных отношений, поддерживались традиции косности, забитости и одичалости»⁵⁷.

Споров и мнений, за и против, было много. Не затихли они и по сей день. Парадокс же заключается в том, что в той или иной степени правы были все. При изучении

культурных особенностей различных народов исследователь всегда сталкивается с проблемой двойственности и противоречивости всех явлений. «Что такое хорошо и что такое плохо», смог разграничить только Маяковский в известном стихотворении. В жизни, как правило, все перемешано. А дать оценку — плохо или хорошо — подчас бывает вообще невозможно.

Действительно, община не давала упасть слабым, поддерживала порядок (в масштабах России порой была единственным организующим началом), благотворно влияла на нравственность (мнение мира было важно, все на виду). Действительно, община тормозила проникновение капитализма в деревню, насаждала уравниловку, не давала развернуться сильным и крепким хозяевам. Действительно, община успешно использовала вековой опыт земледелия («Все ученые агрономы практике у нас учатся, а не мы у них», — заявил тамбовский крестьянин Рябов в Первой Государственной думе), но и сдерживала внедрение новых методов ведения сельского хозяйства, упрямо держась традиции, предпочитая делать все по старинке, как отцы и деды учили. Ее достоинства были продолжением ее недостатков.

Другое дело, что в том виде, как она была, со всеми сильными и слабыми сторонами, она устраивала крестьянство и соответствовала его представлениям о жизни. Она могла не нравиться представителям государственной власти, интеллигентам, реформаторам, промышленникам и т. д. Но для крестьянина ее существование обеспечивало хоть какую-то стабильность в бурном мире второй половины XIX — начала XX в.

Своеобразный эксперимент на выживаемость общины, продемонстрировавший ее смысл, назначение и роль в крестьянской жизни и развитии экономики, был проведен в начале XX в. Результаты этого своеобразного эксперимента не были получены полностью. Однако то, что было осуществлено, позволяет сделать интересные выводы.

Речь идет о так называемой столыпинской реформе. П. А. Столыпин (1862–1911), председатель Совета министров, лучше всего выразил свою идею во время выступления в Государственной думе 5 декабря 1908 г. Он делал ставку не на «пьяных и слабых», а на «разумных и сильных». Он заявлял, что «нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету». А для этого прежде всего надо «избавить его от кабалы отживающего общинного строя»⁵⁸.

Таким образом, правительством был взят курс на разрушение общины и одновременно того главного принципа, которым она жила, — общественной справедливости. Реформа (начата в 1906 г., закон принят в 1910 г.) стимулировала выход из общины, не только разрешая, но и поощряя выселение на хутора и отруба. Вышедший

из общины хозяин мог теперь самостоятельно принимать все решения, сам определять сроки работ, имел возможность применять любую технику, расширять посевные площади. С другой стороны, недостатком подобного рода независимости являлось отсутствие сложившейся инфраструктуры, помощи соседей, более того, нередко между общинниками и самостоятельными хозяевами («выскачками», по мнению крестьян) разгоралась настоящая вражда. К тому же сделать все это: выселиться, обзавестись техникой, расширить посевные площади, нанять работников для их обработки — могли только зажиточные крестьяне. Община теряла крепких богатых хозяев, обескровливалась, лишалась определенного равновесия хозяйственных сил.

Итоги реформы подвести непросто: цифры крайне противоречивы. В советское время, как правило, писали о ее полном провале, чтобы показать, что мирного пути развития России, через реформы, не было, единственный выход — революция⁵⁹. Историки-эмигранты как раз наоборот делали упор на ее успехи, доказывая, что альтернатива революции в стране была⁶⁰. Отсюда и противоречивость статистических данных. Да и в любом случае этот «эксперимент» завершен не был, его отменил 1917 г. Однако кое-какие выводы сделать все-таки можно.

К 1916 г. около 26% хозяйств выделилось из общин. Примерно половина из выделившихся сразу продала свои участки и уехала в город, т. е. речи о самостоятельном хозяйствовании не шло. Часть, попробовав поработать и пожить самостоятельно, вернулась в общину. В целом к 1917 г. около 10% хозяйств существовало на принципах участкового землепользования. Следовательно, вывод первый: массового исхода из общины, несмотря на крайне благоприятные для этого условия, не состоялось. А значит, неправы были те, кто считал общину искусственным объединением, насильно удерживавшим крестьян в своей власти. Одновременно с этим цифры и факты свидетельствуют о том, что самостоятельные хозяйства были более продуктивны, по некоторым данным, к 1917 г. они поставляли 40% продукции. Напрашивается вывод второй: община действительно сдерживала развитие сельскохозяйственного производства.

Много факторов удерживало крестьян от, может быть даже и необходимых, перемен, насаждавшихся государством. Здесь и приверженность традиции, и определенный консерватизм, присущий крестьянскому сознанию вообще. И особенности русской натуры: одному и богатеть неинтересно, какой смысл в богатстве, если никто не порадуется или не позавидует. Важно было постоянное общение, столь привычное для крестьянской среды, возможность поделиться, обсудить, решить. Важно чувство справедливости, стабильности и защиты, даваемое общиной. Был и более определенный страх — боязнь не справиться с самостоятельным хозяйствованием (навыка-то нет),

нередки были прямые угрозы со стороны общинников, случались и поджоги, и потравы, и другое вредительство. Оставаясь в общине, не разбогатеешь, зато и не пропадешь.

Трудно теперь судить, что было бы, если бы процесс продолжался. Может быть, постепенно и привыкли бы крестьяне к новому типу хозяйствования в новых исторических условиях, ведь община — явление естественное, зиждущееся на здравом смысле. А может, именно подрыв общины столыпинской реформой привел в конечном счете к революции, ведь от позиции крестьянства во многом зависел ее успех.

Мнение крестьян относительно общины вполне определенно выражено в жалобах и прошениях в государственные органы власти того времени. Большая их часть — лично на имя Столыпина. Конечно, среди них нет тех, кто выиграл от реформы, кто выделился и успешно вел самостоятельное хозяйство, в этом случае и писать было не о чем. Письма были только от крестьян, недовольных разложением общины. Но в них отчетливо звучит своего рода приговор столыпинской реформе. По мнению крестьян, выиграли от нее только богатые, разрушение общины приведет к разорению крестьян, оптимальным для них является традиционный порядок вещей.

Вот только несколько примеров из огромного числа подобного рода посланий⁶¹. Прощение министру внутренних дел П. А. Столыпину о разрешении вернуться к общинному землепользованию (1909): «...будьте милосердны за нашу ошибку, в которой мы виноваты, не допустите нас к разорению, предпишите кому следует оставить нас жить по-старому» (подписались — 43 крестьянина).

Телеграмма крестьян П. А. Столыпину с ходатайством о запрещении насильственного разрушения общины и защите их от произвола местных властей (1911): «...эти министерства применяют неблагоприятные средства к разъединению общины, развивая в крестьянской среде дотоле бывших ей неизвестными чувства низкой зависти и эгоизма... озлобление среди отдельных членов целого общества и членов одного дома и одной родной семьи». Конец телеграммы: «Просим затем прекратить истязания нас и семейств наших... допустить нас к обработке земли на правах общинного пользования, ибо другого порядка мы не желаем, всякое же промедление и трата времени грозит для нас полным разорением... и голодной смертью» (130 подписей). Резолюция П. А. Столыпина: «Что это такое? Прошу немедленно расследовать».

Жалоба общества П. А. Столыпину (1909): «...в прошлом году за то, что мы на сходе, обсуждая свое положение и свои интересы, всем обществом пришли к заключению, что отрубные участки для нас, крестьян, являются пагубными, разорительными, лишаящими нас последнего семейного и домашнего очага, так как с переходом в отруба

мы навсегда отрубимся от какой бы то ни было собственности... (за эти разговоры мировой посредник отправил 6 старейшин накануне Пасхи в тюрьму)».

Заявление крестьян (1908): «Почему же господа составители закона не позаботились о тех, у которых закон последний кусок отнимает и передает тому, у которого хлебом полны амбары. ...Личную собственность в нашей местности нужно отменить навсегда, а дать крестьянам землю делить самим по местным обычаям, по числу наличных едоков».

В первые годы советской власти общину не трогали. Она признавалась реальной формой крестьянского объединения свободных равноправных пользователей национализированной земли. «Декрет о земле», принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г., на следующий же день после революции, предлагал довольно туманное решение земельного вопроса. После провозглашения отмены помещичьей собственности на землю без всякого выкупа, идеи понятной и близкой крестьянину, следовали предложения, в которых роль общины была достаточно велика. Наконец, заключительная фраза Декрета фактически намекала на то, что жизнь в деревне останется такой же, как и раньше: «Землепользование должно быть уравнильным. Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках»⁶². Учитывая обещания раздачи земли, крестьянству просто не о чем было больше мечтать.

Земельным кодексом 1922 г. община признавалась самоуправляющейся, преимущественно в поземельных делах, организацией с уравнильным землепользованием отдельными хозяйствами и совместным использованием угодий. Государство проявляло большую заботу, всячески поддерживая традиции коллективизма и взаимопомощи, свойственные общине. А потом началась сплошная коллективизация, и община прекратила свое существование, хотя ее традиции в области социальных отношений и быта еще теплились какое-то время.

В конце 1920-х гг. в различных газетах шли дискуссии на тему: «Община — это хорошо или плохо для крестьянина?». Очевидно, что дело шло к концу, и газеты готовили почву к расставанию с общиной. Голоса, правда, разделились, единодушия не было. Но это письма из газетных архивов, информация на страницы газет попадала после тщательного отбора. Вот подлинные голоса крестьян, с сохранением орфографии оригиналов.

За общину:

«В общем общину с ее правами на землю считаю лучшим хозяином и поднимая культурный уровень ее мы добьемся кризиса... к полному социализму всей стране!»

«На сходах во всяком случае разрешаются более справедливо и удовлетворительно нужды граждан чем где-бы то ни было. ...сельские сходы это своего рода естественная школа воспитания в публичной обстановке нести ответственность...»

«...Община есть верный выход из тяжелого положения... (считает, что разрушение ее выгодно только богатым крестьянам)».

«...Только в общинном землепользовании мы можем выйти из нищеты и темноты».

Против общины:

«...Я вам докажу, что в общине нет не одного самостоятельного человека. В общине все лентяи, в общину записывается тот кто работать не хочет».

«...Ни одна община не когда не может создавать, а только разрушать».

- «1. община это крепостное право
2. община рабыня старинных обы-ях
3. община рабыня мот-гулянок
4. община рабыня праздников ихулиганства».

«Община не доведет до харошево чтобы хозяйство поднять и соседу указать как можно хозяйство возвисить. Община доводит до нисчеты, до ругания до драки до отравления скота до убивания соседних свиней...»

«Община для крестьянина передовика желающего поставить хозяйство по культурному является тягостной, он здесь тонет в темноте и невежестве, только потому что община все еще держится старого и никак не может подойти к новому...»⁶³

Общинная жизнь продолжалась в основном в форме привычных сходов. Даже если решение важнейших вопросов и не зависело уже больше от крестьян, они все-таки имели возможность собраться и обсудить свои проблемы.

М. А. Шолохов в своих произведениях глубоко и точно воспроизводит картины жизни уходящей деревни. В «Поднятой целине» казаки-крестьяне обсуждают важнейший для них вопрос: вступать или нет в колхоз, все еще по привычке думая, что их решение что-то значит. Споры и разговоры, как и положено, не смолкали ни днем ни ночью: «Далеко за полночь кончилось собрание. Говорили и за колхоз и против до хрипоты, до помрачения в глазах. Кое-где и даже возле сцены противники сходились и брали один другого за грудки, доказывая свою правоту. На Кондрате Майданникове родной кум его и сосед порвал до пупка рубаху. Дело чуть не дошло до рукопашной. <...> Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как норовистый конь перед трудным препятствием. Казаки днем собирались на проулках и в куренях, спорили, толковали о колхозах, высказывали

предположения. Собрания созывались в течение четырех дней подряд каждый вечер и продолжались до кочетиного побудного крику».

А вот иная зарисовка, относящаяся к тому же времени. Ее автор, деревенский паренек, совсем безыскусно передает апатию и растерянность послереволюционной деревни. Крестьяне ежедневно собираются вместе, хотя и обсуждать-то им особо нечего. Просто сказывается привычка держаться рядом в трудную минуту. «Сизый дым, от накуренной махорки, облаками носится по избе. Маленькая “фитюлька” освещает сидящих мужиков, на лавках и просто развалившись на полу. В шапках, рваные и грязные, они пришли сюда провести вечер, поговорить о чем-нибудь. “Ну как-же мужики? Будем платить мирской сбор-то?” — задает вопрос дядя Наум, мой сосед. (Я иногда посещаю такие собрания, чтобы послушать, что говорят мужики, мне 18 лет, и я один мужчина в семье, состоящей из сестры 20 лет и матери 56 лет.) Мужики молчат, да и говорить нечего, потому что этот вопрос задается не в первый раз. И все хорошо знают, что платить необходимо нужно — но нет денег»⁶⁴. Обсудив таким же образом и с тем же результатом еще кое-какие вопросы, крестьяне расходятся по домам, чтобы на следующий день собраться вновь и повторить все то же самое.

Надо отметить, что советское правительство в отношении общины поступило дальновиднее царского. Никто торжественно не объявлял о ее роспуске или уничтожении. Ее признавали и уважали. Просто создали такие условия, так ее трансформировали, что она сама прекратила свое существование. К сожалению, вместе с крестьянством. При создании колхозов речь шла о том, что в их основе много принципов, повторявших общинные. Форма была в чем-то схожей. Но основа — совсем иной, прежде всего в вопросах, касавшихся земли и ведения хозяйства. Земля уже не была «своя», как раньше, а общая, значит, ничья. Крестьяне оказались лишены возможности самостоятельно на основе традиционного опыта решать вопросы хозяйствования, были вынуждены подчиняться экономическому диктату сверху.

Община прекратила свое существование. Однако она оставила богатое наследство, наложив отпечаток на многие стороны русской жизни, проявляясь и в быту, и в характере, и в социальных отношениях.

Первый, самый сложный вопрос — об индивидуализме и коллективизме. Как отмечалось, во всех учебниках по межкультурной коммуникации Россия отнесена к коллективистским странам. Патриотически настроенные круги общественности, как и когда-то, видят в русской общинности и соборности возможный выход из создавшегося, прежде всего духовного и нравственного, кризиса. Картина русского коллективизма, рисуемая ими, нередко настолько идеализирована, что вызывает невольное отторжение.

Самое главное, что коллективизм предполагает определенный тип поведения, общения, мировосприятия. Вот здесь-то и начинаются проблемы. Но не с русским характером, а в первую очередь с ярлыками.

Коллективизм, который действительно свойственен русским людям, отнюдь не исключает индивидуализма. Чтобы понять это, лучше всего обратиться опять-таки к крестьянскому миру. Община не коммуна, несмотря на то что на иностранных языках это одно и то же слово. Она предполагала совместное принятие решений, общение, обсуждение, посиделки, праздники, помощь. Иногда, когда это было необходимо, совместный труд. Она «по справедливости» распределяла землю по хозяйским дворам. Но работала каждая семья сама по себе. Сама пахала, сама собирала свой урожай, хороший или плохой, но свой. Платила положенный налог, а остальное оставляла себе. Крестьяне хорошо знали: сколько ты будешь сам работать, столько у тебя будет еды и прибыли.

В этом плане крестьяне были страшные индивидуалисты. Единоновременная помощь, да, капусту за компанию порубить тоже весело, но свое — это свое. А. Н. Энгельгардт, много размышлявший о возможности реорганизации деревни без кардинальных потрясений, писал о том, что во время всех работ крестьяне строго следят за тем, чтобы принцип справедливости — сколько наработал, столько и получи — строго соблюдался. Так, крестьяне категорически отказывались косить сообща, в один ряд, так как сено потом делили по числу кос, а косцы были разные — кто-то посильней, кто-то послабей. Убирали же сено сообща и делили по числу косцов. Конечно, могли и помочь докосить ряд слабому или молодому косарю, но это уже по желанию и по настроению.

Народников и участников знаменитого «хождения в народ» больше всего поразил именно крестьянский индивидуализм. Зная об общинном устройстве, они надеялись найти в деревне утопические коммуны, а столкнулись с жестким личным прагматизмом. Г. И. Успенский рассказывает, как он пытался добиться ответа от знакомого крестьянина, почему они не хотят работать вместе. Он приводит характерный диалог:

— Скажите, пожалуйста, неужели нельзя исполнять сообща таких работ, которые не под силу в одиночку?..

— То есть, это сообща работать?

— Да.

Иван Ермолаевич подумал и ответил:

— Нет! Этого не выйдет...

Еще подумал и опять сказал:

— Нет! Куды! Как можно... Тут десять человек не поднимут одного бревна, а один-то я его как перо снесу, ежели мне потребуется... Нет, как можно! Тут один скажет:

«Бросай, ребята, пойдем обедать!» А я хочу работать... Теперь как же будешь — он уйдет, а я за него работай! Да нет — невозможно этого! Как можно! У одного один характер, у другого — другой!.. Это все равно, вот ежели б одно письмо для всей деревни писать...⁶⁵

С точки зрения крестьянской логики все справедливо.

Наконец, особенно ярко проявился (в последний раз, наверное) крестьянский индивидуализм во время образования колхозов. Мужики сразу распознали подвох: их лишают своего, кровного — земли, скота, хозяйства. Герой романа Шолохова рассуждает так, как, наверное, миллионы крестьян по всей России: «Но люди отказались наотруб, никто не вписался. Кто же сам себе лиходей? Должно, и завтра будут сватать. Говорят, нынче на-вечер приехал какой-то рабочий из района и будет всех сгонять в колхоз. Конец приходит нашей жизни. Наживал, пригоршни мозолей да горб нажил, а теперь добро отдай все в обчий котел, и скотину, и хлеб, и птицу, и дом, стало быть? Выходит вроде: жену отдай дяде, а сам иди к..., не иначе. Сами посудите, Александр Анисимович, я в колхоз приведу пару быков (пару-то успел продать Союзмясе), кобылу с жеребенком, весь инвентарь, хлеб, а другой — вшей полон гашник. Сложимся мы с ним и будем барыши делить поровну. Да разве же мне-то не обидно?.. Он, может, всю жизнь на пече лежал да об сладком куске думал, а я... да что там гутарить! Во!»

Общинное и коллективное начала отнюдь не исключают индивидуализма. Так же как и нельзя определить, что из них хорошо, что плохо, так и нельзя человека, а тем более целые народы определить одним словом.

Противники идеи общинности русских приводят в основном одни и те же доводы. Так, один из них упоминает следующее: высокие заборы, которыми каждый российский «коллективист» норовит отгородиться от соседа; корпоративные вечеринки, популярные на Западе и не слишком приживающиеся в России; бум дачного строительства сегодня; фразу своего деда, в 16 лет уехавшего из деревни: «Где опчина, там всему кончина»; наконец, наличие в русском крестьянине предпринимательской жилки⁶⁶. Что касается двух последних замечаний исторического плана, то речь уже шла о том, что в крестьянской среде, особенно в начале XX в., отношение к общине было уже неоднозначным (хотя и непонятно, как дед автора успел к 16 годам намучаться с общинной жизнью). О предпринимательской жилке речь пойдет в другой главе, она, безусловно, существовала.

Что касается упомянутых особенностей современной жизни, здесь нет никакого противоречия с коллективизмом и общинными идеалами. Высокий забор необходим именно в коллективистском обществе, где все интересуются жизнью каждого, а каждый — жизнью всех. Конечно, в Англии нет заборов, там сосед, проходя мимо,

поздоровается, откомментирует погоду и пойдет своим путем. В России от любопытных глаз, которым есть до всего дело, не спасают никакие заборы.

Корпоративные вечеринки нужны как раз именно в индивидуалистическом обществе, например в США, где люди после работы спешат разойтись по своим углам. А зачем они в России, где сослуживцы после рабочего дня идут вместе в кино или магазин, а потом еще и пару раз созваниваются вечером. Корпоративные вечеринки западного типа призваны познакомить коллег друг с другом и их семьями в неформальной обстановке. В российском коллективе все знают все не только друг про друга, но и про мужей, жен и детей коллег.

Бум дачного строительства имеет множество причин в современной России. Одна из них — тоска по деревенской жизни крестьянских потомков. Кстати, дачное житье предполагает гораздо больше элементов общежития, чем в городских квартирах. Новоиспеченные садоводы помогают друг другу, обмениваются семенами и опытом, угощают плодами со своих огородов, у них общие радости и трудности. Интересная деталь: возводимые вокруг Москвы коттеджные поселки, которые становятся все более популярными у состоятельных москвичей, нередко организуют свой быт на ярко выраженных коллективистских началах. Казалось бы, индивидуальные коттеджи предполагают отгороженность от окружающего мира, побег от городской скученности, однако тяга русского человека к общежитийным законам очень сильна. Вот и организуются массовые гуляния, регулярные собрания жильцов, обсуждающих что-то не слишком значительное, конкурсы на самый большой выращенный кактус, соревнования на самый зеленый участок и т. д.

Итак, коллективизм русских нельзя понимать упрощенно, а тем более идеализировать. Конечно, работа и отдых вместе, дружба, взаимовыручка — все это вещи хорошие. Но именно коллективизм рождает выскочек. Те же индивидуалисты-англичане выстраиваются в хорошо организованные очереди. А в России обойти очередь совершенно нормально, чуть ли не геройство. Стремление проявить себя, выделиться, обратить на себя внимание характерно именно для коллективистских обществ. Коллективная ответственность часто рождает безответственность: например, зачем убираться, может, это сделает кто-то другой?

Одним из интересных результатов общинного сознания русских можно считать и систему связей, ее принято называть «блат». Принцип был очень прост: ты поможешь — тебе помогут. Система эта особенно распространилась в последние десятилетия советского строя, в эпоху дефицита. В то время ничего нельзя было купить, но все можно

было достать. Доставали самые разные вещи: билеты в Большой театр, выходные туфли, финский сервелат, хорошую школу, лекарства — все, что только можно представить.

Иногда выстраивались «цепочки»: тебе нужны путевки в санаторий, но нет нужных знакомств. Тогда ты можешь кому-то достать, скажем, хороший кофе, а тот еще кому-то — новый магнитофон, а в результате тебе достанутся путевки. Система сложная, но были виртуозы своего дела. Уже в советское время эту систему ругали и высмеивали в прессе и кино, но, несмотря на это, она была живучей и очень действенной.

Самое интересное, что эта система жива и сегодня, в совершенно иных условиях. Конечно, она не охватывает теперь все сферы жизни, как когда-то. Теперь при наличии денег можно купить многое. Однако не все. Получается абсурдная ситуация, характерная для тех случаев, когда западные принципы смешиваются с российской основой. Например, путевки в хороший санаторий стоят баснословных денег (цены вполне эквивалентные западным), однако достать путевку туда можно по-прежнему только по блату. В роскошные платные (и очень дорогие) больницы пациенты не торопятся, другое дело, если положили туда же и за те же деньги, но по знакомству. Доверия так гораздо больше, шансов выздороветь тоже: где гарантия, что врачей в красивую и платную больницу набрали тоже не «по блату»?

Элементы общинного сознания заметны сегодня в самых разных областях жизни. Так, совершенно нормальным для русских людей является коллективное принятие решений. О том, что это явление достаточно необычно для многих других народов, свидетельствует дневник американского велосипедиста, помещенный им на персональной странице в Интернете. Энтузиаст велосипедного движения, он путешествует по разным странам. Попутчиков обычно находит в Интернете, т. е. для него это люди практически незнакомые. Многие удивляло его в российской жизни, но больше всего — взаимоотношения в коллективе, с которым он ехал по маршруту Москва — Петербург.

Первое, что поразило его: у группы не было лидера, ответственного за принятие решений. Просто все собирались вместе, обсуждали создавшуюся ситуацию, сообща принимали решение и выполняли его. Именно это и сегодня является обычным способом решения важных вопросов. Причем, как и прежде, могут спорить, обсуждать, даже ссориться. Но выход, как правило, находится в любой ситуации, и «против коллектива» никто идти не хочет.

Еще иностранного туриста удивляла стихийность и спонтанность долгого и непростого путешествия. Утром, собираясь в дорогу, никто не знал, где будет остановка. Куда доедем, там и будет, кто его знает, что в пути может случиться, зачем загадывать — так рассуждали его русские товарищи. В начале для него было дико, что заранее ничего не

организовано, места для ночевки не определены, переправы не забронированы. Устав к вечеру, останавливались в деревне и спрашивали местных жителей, где лучше всего переночевать. Постепенно стало ясно, что только такая схема работает в России без сбоев: переправу заранее заказать практически невозможно, в некоторых местах ее просто не было, насчет проживания тоже лучше знают местные жители, из Москвы получить информацию о ситуации на местах часто очень трудно. А главное, такая стихийность совершенно устраивала его попутчиков.

Чувство коллективизма заставляет русских свободно вмешиваться в дела знакомых, соседей и просто прохожих на улицах. Иностранцы, живущие в Москве, не перестают в своих воспоминаниях удивляться одной и той же ситуации. Стоило им только в холодную погоду выйти погулять, например с ребенком без шапки, как на них обрушивался град советов и упреков в легкомысленном отношении к собственному ребенку. Советы на улицах от посторонних людей — дело привычное для москвичей. Для англичан, американцев, пишущих об этом, это дикость. Это их ребенок и никто не может указывать им на то, что с ним делать.

Еще не так давно в советское время вмешательство рабочего коллектива в семейную жизнь было широко распространенным явлением. Жена могла обратиться на работу с жалобой на изменившего ей мужа, и коллектив был обязан «отреагировать». Никого это особенно не удивляло, схожими вопросами занималась и община.

Замечательный старый советский фильм «Разные судьбы» (1956) был очень популярен в свое время, в том числе и за смелость подходов к личной жизни героев. Герой влюбляется и женится на недостойной его девушке, героиня заводит роман с пожилым женатым композитором (хорошим, но увлеченным ее молодостью), многое было необычным для своего вполне пуританского времени. Один из эпизодов фильма показывает студенческое собрание (молодые герои — студенты), на котором сокурсники с большим энтузиазмом обсуждают вопрос: как так могло случиться, что их приятель ударил свою жену? Его почти безоговорочно осуждают. Кстати, что характерно, довольно несправедливо. Коллектив не всегда прав, но это реальная сила, с которой надо считаться, — на этой простой идее выросло не одно поколение россиян.

В России по-прежнему очень любят спрашивать и давать советы. Существовал даже анекдот о человеке, который пытался найти помощь, а получал везде только советы: «У нас, мол, страна Советов» (в советское время каламбур звучал понятнее). Это тоже своего рода наследие общинной жизни, прежде чем начать какое-то дело, посоветоваться с соседями, друзьями, родственниками. Сначала все надо обсудить, а потом можно ничего и не делать, такого рода беседы хороши сами по себе.

Сегодня врожденное чувство солидарности русских подчас сводит на нет некоторые западные приемы ведения бизнеса. Яркий пример из прессы: в рамках рекламной компании напитка «Фанта» был объявлен розыгрыш призов, к которому допускались только те, кто собрал пробки от «Фанты» с определенным набором рисунков на внутренней стороне пробки. В Москве, Петербурге и ряде других городов немедленно стихийно сложились своеобразные рынки, где владельцы пробок объединялись в союзы, чтобы сообща попытаться счастья в борьбе за желанный приз.

Так же как и когда-то, мнение окружающих все еще много значит для русского человека. «Быть как все» по-прежнему важный принцип. Да, коллективизм рождает выскочек, но в еще большей степени он приводит к желанию не высовываться. Русский этнограф С. В. Максимов (1831–1901) удивлялся старым соломенным крышам на деревенских домах. «Отчего не делаете ее прочнее?» — поинтересовался он. И получил ответ: «Нам супротив соседей идти невозможно, потому — обижаться будут. Станут спрашивать: откуда такую моду взял? Станут говорить, что над ними и над отцами и дедами смеяться выдумал»⁶⁷. И сегодня многие, даже имея возможность, не ремонтируют «фасад», не чинят забор, не красят дом, чтобы не привлекать ненужного внимания, не выделяться.

Привычка к жизни сообща даже коммунальное жилье сделала по-своему привлекательным. Жизнь в одной квартире с другими семьями, да еще и самыми разными в социальном плане, не могла быть приятной и простой. Конечно, расселение коммуналок — большая радость для их жителей. Но вот ведь парадокс: до сих пор многие с ностальгией вспоминают тот образ жизни. Прежде всего из-за общения с людьми. Забыты ссоры, дразги на кухне, очереди по утрам в туалеты, говорят о дружной жизни, о взаимопомощи, о чувстве братства.

Справедливость пусть бедного, но единого для всех быта импонировала советскому человеку, наследнику русской общинной традиции. Выпускник филологического факультета МГУ вспоминает: «Конечно, и в годы войны и после нее меня окружало своеобразное равенство в бедности. Везде в коммуналках заводского поселка Сороковка... одни и те же часы-ходики с гилями, вечные огороды с картошкой, мечта о заурядном велосипеде, о футбольных бутсах... Сейчас, однако, я вижу и счастливую, не разъясненную никем ценность и силу этого быта, вообще всей прелести русской природы, рабочей общины (тогда она называлась... “коллективом”, “массой”)⁶⁸.

Трудно перевести на иностранный язык и объяснить понятие «в складчину». Русскому человеку оно близко и понятно. В складчину могут приобрести корову, а мясо поделить, или купить мотоцикл и ездить по очереди, или, самое привычное, устроить

гулянку. Давно замечено, что в России застолья «в складчину», когда каждый приносит, что может, получаются пышнее и обильнее казенно приготовленных. Ни один ресторан с его корпоративными приемами не в состоянии организовать того разнообразия, которое устраивают люди, стараясь отличиться друг перед другом.

Наконец, совместный труд всегда дарил русскому человеку радость, не отсюда ли выражение «на работу, как на праздник». Не случайно, большинство деревенских жителей, писавших о крестьянском труде, с особым чувством вспоминало время сенокоса. Если косили дальний луг, выезжали на несколько дней, семьями, ставили шалаши где-нибудь у ручья, вечером разводили костры. Работали на виду, надевали лучшую одежду, демонстрировали ловкость и силу, пели песни, шутили, молодежь заигрывала друг с другом. По окончании сенокоса часто устраивали угощение, веселились после удачно сделанного дела.

Бывший крепостной крестьянин Ф. Д. Бобков вспоминал: «Косьба сена, какая это чудная работа. Все работу эту любили, и во время покоса и мужчины и женщины наряжались в лучшие одежды, как в праздники. При восходе солнца, в 4 часа утра, когда трава белеет, как снег, 50 человек крестьян стройно, как по команде, взмахивая острыми косами, двигаются вперед, оставляя за собою, точно гигантскую змею, длинную полосу сена. В 7 часов утра женщины и дети приносят завтрак, и все сбиваются в одну кучу. Завтрак вкусный. Едят блины со сметаной, молоко с налесничками, или пирожками, и яйца... Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эту работу. Сколько было веселья, песен, шуток! Сколько любви проглядывало в движениях, в словах, в немых взглядах и улыбках молодых девушек и парней...»⁶⁹

Советская эпоха дала свой опыт совместного труда. Даже в конце 1980-х гг. в студенческой среде все еще существовали выезды «на картошку», когда студенты отправлялись вместо учебы помогать деревне собирать урожай. Насколько это было производительно для сельского хозяйства, вопрос особый, но для студентов польза была очевидная. После месяца, проведенного в преодолении совместных трудностей, за коллективным трудом, с общими праздниками, студенты возвращались уже другими. Менялся характер отношений, теснее были связи, крепче дружба, интереснее общение. Словом, складывалось то, что так любила советская педагогика — коллектив. Хотя для многих такого рода поездки и были совершенно лишней в учебном процессе общественной необходимостью, позже, по прошествии времени, большинство выпускников забыло интересные лекции, хороших педагогов, полезные занятия, зато сохранило память о совместной работе на «картошке», часто трудной, холодной и голодной, но такой радостной благодаря тому, что все были вместе.

Американский исследователь, считающий себя специалистом по «русской душе», Йейл Ричмонд, в книге, вышедшей в 1992 г., выделил следующие проявления общинного характера в современной жизни⁷⁰. Интересен взгляд со стороны, обращающий внимание на те стороны русской жизни, которые привычны для россиян, но контрастируют с традициями западной культуры:

1. Если американец приглашает русскую девушку на свидание, он должен быть готовым, что она придет с друзьями, «им ведь тоже интересно».
2. В музей Шаляпина, куда он хотел попасть, пускали только группы, а не одиночек. Вообще часто обслуживание групп является приоритетным.
3. Ситуация, с которой столкнулся в США: американец приглашает друзей, русских эмигрантов, пойти в кино, типичный ответ: «Отлично! Сейчас обзвоним других и узнаем, кто еще не видел этот фильм».
4. «Физические» контакты с незнакомцами. Поведение в толпе: русские толкаются, задевают друг друга, протискиваются и т. д. без неприятного чувства. Американцам такого рода «физические» контакты неприятны.
5. В ресторане русский, если он один, свободно присоединится к незнакомым людям, чтобы не обедать одному.
6. Коллективный отдых после работы: походы в театры, экскурсии и пр.
7. Выборы старосты в студенческом коллективе для поддержания связи с администрацией.
8. Вмешательство в частные дела. Советы на улицах.
9. Поздние визиты домой, возможны без приглашений.
10. Если муж изменил, жена может пойти к начальнику и потребовать справедливости.

Многое из того, что было написано всего лишь 15 лет назад, полностью ушло из жизни современной России. Музей Шаляпина закрыли совсем, в ресторане никто ни к кому не подсаживается, а неверных мужей некому призвать к порядку. Вместе с тем многое сохранилось. А общий ход развития страны заставляет предположить, что традиционное поведение и мировосприятие в том или ином виде, к добру или нет, вернется в общество. И дело не только в том, что была такая крестьянская община, от наследия которой до сих пор нельзя избавиться. Вопрос спорный, что первично: община ли определила характер, или особенности характера русского человека способствовали созданию и сохранению ее в том виде, в котором она существовала в России. Скорее всего, и то и другое. Община существовала, потому что отвечала особенностям русского характера, который, в свою очередь, формировался в условиях общинного проживания.

Традиции крестьянского мира и современность

Община была формой организации жизни крестьянства. Фундаментом существования были земля и сельскохозяйственный труд. Давние исторические традиции, принявшие форму своего рода неписанных законов, определяли ход повседневной жизни крестьянина.

Важнейшей чертой крестьянской жизни являлась тесная связь с **землей**, то, что Г. Успенский называл «власть земли». Интересные свидетельства содержат исторические источники. В памятниках XII–XIV вв. повсеместно встречается понятие «Русская земля» и нигде нет выражения «русский народ». «Русская земля» включала в себя все: и территорию, и владение, и население, и даже войско, представляющее ее в чужих странах. Историк Ф. И. Буслаев подметил, что «у нас в старину вместо отечества говорилось просто *земля, Русская земля*»⁷¹. Особое отношение к своей земле, как видно из истории, характерно не только для крестьян, но и для каждого русского человека.

Герои русских былин — богатыри, обладающие могучей силой. И самый сильный из них — Святогор. Одна из былин рассказывает: «Поехал Святогор путем-дорогою широкою, и по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра коня к тому прохожему, никак не может догнать его: поедет во всю рысь, прохожий идет впереди; ступою едет, прохожий идет впереди. Проговорит богатырь таковы слова:

— Ай же ты, прохожий человек, приостановись не со множечко, не могу тебя догнать на добром коне.

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и клadyвал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор-богатырь:

— Что у тебя в сумочке?

— А вот подыми с земли, так увидишь.

Сошел Святогор с добра коня, захватил сумочку рукою, — не мог и пошевелить; стал здымать обеими руками, только дух под сумочку мог подпустить, а сам по колена в землю угрыз. Говорит богатырь таковы слова:

— Что это у тебя в сумочку наложено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу.

— В сумочке у меня тяга земная.

— Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, звеличают как по изотчины?

— Я есть Микулушка Селянинович»⁷².

Микула Селянинович, который сильнее самого сильного богатыря, — единственный герой-крестьянин в былинах. Он пашет землю, и ему одному подвластна тяга земная.

Что-то очень древнее, доязыческое сохранилось в отношении к земле на Руси. «Мать сыра земля» — она и накормит, она и успокоит в конце жизни. И посмертное пожелание человеку звучит: «Пусть земля тебе будет пухом!»

Этнографические данные⁷³ свидетельствуют о том, что вера в особую силу земли, в то, что она могла и наказать, и исцелить, сохранялась в России до начала XX в. Долго сохранялись древние обычаи, например целование земли и клятва ею. Или обряд прощания с землей, выполнявшийся стариками: почувствовав приближение смерти, крестьянин шел в поле, кланялся ей и говорил: «Мать сыра земля, прости и прими меня».

Православие также всячески поддерживало идею праведности земледельческого труда. Святой Димитрий Ростовский во второй половине XVII в. говорил о том, что земледелие «есть самое необходимое искусство; ему научил человека Сам Бог, когда создал его. Итак, да не устыдится земледелец простого звания своего, и никто да не попрекнет его незнатностью происхождения его: из земледельцев выходили и цари, и св. угодники Божии»⁷⁴.

Земля для русского крестьянина — это сама жизнь. В России неурожай всегда приводил к голоду. Новгородская I летопись под 1127 г. рассказывает о морозе, который убил весь хлеб, после чего «и бысть голод», «велика скорбь бяше в людях и нужда», неурожай становился общенародным бедствием⁷⁵. То же самое происходило в XIX и XX вв. Не странно ли это, ведь была и другая пища — в лесу дичь, травы, орехи, в реках рыба. Для поддержания жизни можно было что-то придумать, запастись, поискать. В конце концов, Робинзон Крузо выжил на необитаемом острове почти без ничего, и история говорит о том, что такие случаи не были исключением. Такое впечатление, что отсутствие урожая парализовало волю крестьян, воспринималось как некое испытание или даже наказание свыше, своего рода гнев земли, которому надо было покориться и принять свою участь.

Земля для русского человека была воплощением родины. Уходя в странствия, крестьянин брал с собой горсть родной земли, унося ее частицу с собой, чтобы сохранять с ней связь. Уже в XX в., после окончания Великой отечественной войны, если была возможность, родственники везли на могилы солдат, похороненных на чужбине, горсть земли с родины. Да и до сих пор этот обычай сохраняется как дань традиции.

Земля, на которой жили и трудились его предки, была для крестьянина главным мерилом ценностей. Именно ее шли защищать от неприятеля. В советской песне про

танкистов 1930-х гг. поется: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей — вершка не отдадим». И не отдали ведь, как вскоре показала жизнь.

О земле мечтали в крестьянских утопиях. В самые непростые периоды крестьянского существования ждали всегда не свободы, не богатства, а земли. В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» передается ожидание в крестьянстве «той вечной, чаемой мужицкой реформы»:

— Вся земля мужикам.

— Каждому по сто десятин.

— Чтобы никаких помещиков и духу не было.

— И чтобы на каждые эти сто десятин верная гербовая бумага с печатью — во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.

— Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий, никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю.

— Чтобы из Города привозили керосин.

Вот он, предел народных желаний, таких простых, но невыполнимых ни при какой власти.

Писатель-народник Г. Успенский предсказывал: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл “крестьянство”, — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него»⁷⁶. Жизнь подтвердила его правоту. Того народа, который он любил, в котором он разочаровался, а потом снова понял и простил, больше нет. Связь с землей была порвана и появилась «новая общность людей».

В отношении крестьян к земле сложилась необычная ситуация, оказавшая важное воздействие и на другие стороны жизни. Крестьяне считали землю своей, вне зависимости от того, кому она принадлежала (иногда вместе с ними): помещикам, императорской семье, государству, монастырям. Существовало понятие «Божья земля», это было понятно, в крайнем случае «царская». В том смысле, что царь ее распорядитель. А работать на ней поставлен, Богом ли, царем ли, мужик. Еще в актовом материале XIV–XV вв. в связи с земельными спорами многократно упоминается формула: «земля великого князя, а нашего (крестьянского) владения»⁷⁷.

Согласно народным представлениям земля находилась во владении общины, которая передавала ее в пользование крестьянину. Понятие права собственности на землю в крестьянской среде вообще отсутствовало. При этом крестьяне не отрицали власть царя или помещика, но «мы — барские», а «земля — наша, общинная». Смешение понятий

собственности, владения и пользования оказалось характерным и для других сторон русской жизни. Собственность никогда не была для русского человека понятием, связанным с законом, понятием святым и неприкосновенным, как в западной культуре. Распространенное в XX в., в советский период, понятие «социалистическая собственность» еще больше запутало ситуацию.

Именно в этом отношении к земле кроется одна из причин крестьянского недовольства реформой Александра II. Весь мир восторгался условиями освобождения русского крестьянина. Англичане провозгласили, что «время азиатской России прошло, европейская Россия пробивает себе дорогу»⁷⁸. Американские отзывы были более восторженными. В статье, опубликованной вскоре после «Манифеста об отмене крепостного права», Александр II провозглашался «величайшим благодетелем тысячелетия — воином, который восстановил мир, монархом, который, согласно воле Божьей, установил порядок и, согласно воле народа, его поддерживает; истинным христианином, который сделал из 40 миллионов крепостных 40 миллионов человек»⁷⁹. Напомним, что в Соединенных Штатах одновременно шло освобождение рабов, сопровождавшееся гражданской войной, и представить себе, что рабов освободили с правом выкупа куска плантации, на которой он работал, было просто невозможно.

А крестьянство осталось недовольно, несмотря на вполне благоприятные для него условия, все волновалось, все искало «подлинный» манифест. «Свобода» была для них абстрактным понятием, а «земля» — вполне конкретным. И то, что теперь они должны были выкупать свою землю, ту, на которой работали их предки испокон веков, вот это было, по их мнению, несправедливо. Не случайно, видимо, Николай I и другие правители перед ним никак не могли решиться провозгласить отмену крепостного права. Не потому, что были варвары, было очевидно, что это явление устаревшее, не вписывавшееся в современное развитие страны, а потому, что боялись, не знали последствий, чувствовали, что для России с ее своеобразным крестьянским мировоззрением это может кончиться катастрофой.

Путаница в понимании собственности, особое отношение к земле, общинный уклад жизни, предпочтение устного слова письменному привели к своеобразному представлению о законности в России. Понятия «писаный» и «неписаный» закон были делом обычным, причем последнему отдавалось предпочтение. Законы земли, общины были вечными и справедливыми, остальные, написанные людьми, чиновниками, не понятны и не нужны крестьянину. Они связывались в его сознании с приездами начальства, с допросами, неприятностями и часто с несправедливостью. Обойти их в том случае, если они шли вразрез с собственными представлениями о справедливости,

считалось делом правильным. Латинскому выражению «закон суров, но все же он закон», на котором базируется европейское законопослушие, русский крестьянин противопоставил пословицу «закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло» (т. е. крути им, как хочешь, в своих интересах). Эта позиция оказалась очень живучей в России.

«Власть земли» распространялась не только на крестьянское население страны. В чем-то схожее отношение царило и в помещичьей среде. В России сложился своеобразный тип хозяйствования — помещичья усадьба, которая в своем идеальном виде представляла хорошо организованное земледельческое хозяйство, «возглавляемое» помещиком, баринном. У такого хозяина и крестьяне жили хорошо, и благосостояние росло, и почет от всех был.

Подобного хозяина рисует С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» в образе дедушки Степана Михайловича: «Вышед в отставку, несколько лет жил он в своем наследственном селе Троицком, Багрово тож, и сделался отличным хозяином. Он не торчал день и ночь при крестьянских работах, не стоял часовым при ссыпке и отпуске хлеба; смотрел редко, да метко, как говорят русские люди, и, уж прошу не прогневаться, если замечал что дурное, особенно обман, то уже не спускал никому... Скоро крестьяне его пришли в такое положение, что было не на кого и не за что рассердиться».

Даже те дворяне, кто подобно цитируемому ниже А. С. Пушкину, никогда толком и не жили в своих деревнях, чувствовали эту тягу, своего рода долг перед землей: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...»⁸⁰

Во второй половине XIX в. началось еще одно своеобразное «хождение в деревню», но в данном случае не народническое, а помещичье. Многие помещики оставляли города и отправлялись в имение заниматься хозяйством. Особенно популярным это стало после отмены крепостного права, когда для одних это стало способом существования, для других — возможностью попробовать силы в новых экономических условиях и выбиться в люди. Все эти цели имел в виду известный поэт А. А. Фет (1820–1892), когда неожиданно бросил все и купил небольшую усадьбу Степановка в Мценском уезде.

Личная жизнь Фета была полна тайн и загадок. Родился и вырос он в семье богатого орловского помещика А. Н. Шеншина и его жены-немки, привезенной им из

Германии. В 14 лет вдруг оказалось, что мальчик совсем даже не Шеншин, а Фет, сын бедного немецкого чиновника, у которого богатый русский барин увез (по некоторым слухам — купил) беременную будущим поэтом жену. Это означало потерю всего — дворянства, состояния, положения в обществе, даже русского гражданства. Неожиданное открытие незавидного происхождения стало для Фета настоящей катастрофой в жизни. Всю свою последующую жизнь он пытался разными способами — службой, прошениями, даже обманом — восстановить свое положение.

Сорок лет ушло на то, чтобы добиться права носить фамилию Шеншина, в возрасте 53 лет оно ему было даровано. Он просил своих близких никогда больше не называть его Фетом, так отвратительно было ему звучание этой фамилии. Но вот ведь парадокс: в историю он вошел все-таки как поэт Фет, и теперь она звучит громче, чем забытый всеми Шеншин. Это чутко угадал И. С. Тургенев, иронизировавший в письме: «... ак Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию»⁸¹.

Неожиданным образом самым успешным начинанием в жизни Фета (не считая его поэтической деятельности, конечно) стало приобретение на средства жены небольшого имения Степановка. Злые языки поговаривали, что он именно из-за этого и женился на богатой дочери известного частоторговца Боткина. В деревне Фет развернулся: внедрял новые методы, упорядочил хозяйство, разбил парк, занялся торговлей сельскохозяйственной продукцией. Работа была организована так четко (не это ли подтверждение немецкого происхождения поэта), а дела его шли так успешно, что Фет неожиданно разбогател. Он купил новые, уже богатые большие имения и заделался настоящим помещиком в том лучшем смысле этого слова, которое предполагало ведение хозяйства, а не прожигание жизни.

Совершенно по другим причинам, но примерно в то же время уехал в свою усадьбу граф Л. Н. Толстой. Сам он идеальным хозяином не стал, зато вывел тип крепкого хозяина нового типа в своем персонаже Левине. Очень остро ощущает его герой, дворянин, притяжение земли, он скучает без нее, жизнь в городе для него пуста, он даже пытается сам работать на земле наряду с крестьянами. Что, оказывается, не имеет смысла, у него свои функции и обязанности по отношению к земле — организатора, а не исполнителя работ. Именно помещики пробовали, экспериментировали с землей, внедряли новые методы. Пусть не всегда удачно, но через помещичьи хозяйства лучшие достижения распространялись и на крестьянские.

Вековая тяга к земле дает о себе знать и сегодня. В самом начале перестройки, в ходе выполнения продовольственной программы, намеченной правительством, городским жителям по всей стране стали раздавать участки земли. Вроде как «накорми себя сам», вот

тебе земля, выращивай на ней, что хочешь. Участки давали маленькие, чаще всего по четыре сотки, но спросом они пользовались огромным. Сельскохозяйственная лихорадка охватила всю страну. Врачи, учителя, инженеры, люди, родившиеся и выросшие в городах и видевшие овощи и фрукты только на прилавках магазинов, с непередаваемым энтузиазмом стали выращивать на своих крошечных участках самые разные виды флоры. Забываясь на выходные в переполненные электрички, они героически перевозили в один конец семена и саженцы, а в обратном направлении — урожай.

Какая-то древняя, вековая страсть к земле, **своей** земле, проснулась в этих давно оторванных от своих корней людях. Интересно, что дома на этих участках строили самые примитивные — сарайчик с кроватью и столиком, этого вполне хватало. В это же время, во второй половине 1980-х гг. — ветер перемен принес в Россию бразильские и мексиканские телесериалы, которые горячо полюбились россиянам. Жаркие страсти латиноамериканских героев нашли живой отклик в холодной России, стоящей на пороге больших перемен и с неуверенностью смотревшей в будущее. Из этих самых сериалов в русский язык почему-то вошло слово «fazenda», означающее усадьбу богатых собственников. Каждый владелец крошечного клочка земли, где стоял шалаш на двоих, а удобства находились в соседнем лесу, давясь в загородном автобусе, весело делился с окружающими: «Вот, на свою fazendu еду». А зимой гордые «землевладельцы» сообщали своим гостям: «Это мы на fazende вырастили». Так для многих и остались эти крошечные земельные участки с примитивными домиками, всколыхнувшие вековую тоску русского человека по своей земле, экзотическими fazendami.

Сегодня этот сельскохозяйственный бум не так заметен, его затмило грандиозное коттеджное строительство. Однако для тех, у кого нет возможности построить себе особняк, садовые участки по-прежнему актуальны: и кормят, и дарят удовольствие от общения с землей и природой. Да и за шикарными высокими заборами иногда скрываются дорогие сердцу каждого россиянина огороды. Нередки случаи, когда состоятельные дети пытаются остановить своих родителей в их упорном стремлении выращивать растения своими руками: ведь все дары природы теперь можно купить на любом рынке или в супермаркете. И вот тайком, пока сын или дочь на работе, неугомонные мамы высаживают свои заветные грядки. А дети (по молодости) не понимают, что дело не в экономии или беспокойном характере родителей, а в каком-то высшем удовольствии, получаемом от единения с природой, от процесса созидания.

В земледельческом труде всегда есть элемент чуда. Каждый год крестьянин как бы присутствовал при рождении новой жизни: бросил сухое зерно, оно взошло, превратилось в колосющееся поле, потом, в свою очередь, дало крестьянину возможность питаться и

продолжать жизнь. И так бесконечно. Это чудо древнее, вечное, еще библейское: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, глава XII; и эпиграф к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского)

Не случайно в русском языке встречаем: «уродился хлеб», «земля не родит», «урожай». Земля рождает, а крестьянин оплодотворяет ее, а потом принимает роды. Таким образом, труд крестьянина приобретал высокое, почти сакральное значение, наполнялся особым смыслом. Из этого проистекали и многие особенности крестьянской натуры, так раздражавшие русскую интеллигенцию.

Г. Успенский приводит несколько характерных эпизодов, демонстрирующих, как он считает, отсутствие здравого смысла в крестьянах. Один из них о сенном прессе, который достался деревне от одного хозяина-неудачника. Крестьяне решили сами прессовать сено и возить его в Петербург. Продавали его там с большой выгодой для себя. Но на следующий год в Петербурге у них отказались принимать сено — оказалось, что они для веса прошлым летом засовывали в середину то полено, то камень, то навоз. С особой горечью Успенский пишет о том, что теперь за дело взялись два англичанина, все организовали, скупают у тех же крестьян за копейки сено и богатеют год от года.

Огорчало его и болото, которое, после того как сходил снег, фактически отрезало деревню от окружающего мира. Работы, по его подсчетам, было на два воскресенья, доходность мест значительно бы выросла, но, переживает народник-интеллигент, ни предки этих крестьян не догадались за столетия сделать дорогу, ни их потомкам она не достанется. Зато обмер земли во время переделов превращается в очень длительную, особую и совершенно ненужную, с его точки зрения, церемонию. За это время можно было несколько болот замостить.

Действительно, у крестьян отсутствовал здравый смысл в том значении, которое в него вкладывали некрестьяне. Тот здравый смысл, который направлен на извлечение материальной выгоды, на получение прибыли, на увеличение доходов. Для крестьянина был важен сам труд, даже не ради пропитания, а тем более извлечения прибыли. Он участвовал в важном, вечном, мистическом процессе возрождения жизни. Его труд и был смыслом существования.

Да и на что ему прибыль, если земля-кормилица давала ему практически все, в чем он нуждался. Разного рода материальные соблазны появились поздно, к концу XIX в., с развитием капиталистического производства и, как следствие, появление товаров, потоком хлынувших в деревню. А до этого много веков деревня фактически обеспечивала себя всем сама. Извлечение же прибыли означало просто ненужные, с точки зрения

крестьянина, хлопоты. А вот переделы и обмеры были действительно священнодействием, ведь речь шла о самом главном — о земле.

Крестьянину проще было сдавать сено англичанам за копейки, чем организовывать целое дело, производство и сбыт, отрывать себя от привычных дел, потом, может быть, еще и расширяться, покупать новый пресс. И ради чего? Зато можно представить, сколько радости и разговоров потом еще долго было по поводу того, как они ловко всех обманули, подсунув всякую ерунду вместо сена.

В советское время был популярен анекдот:

— Ну что ты все сидишь, ничего не делаешь!

— А зачем?

— Ну, денег бы много заработал.

— А зачем?

— Отдыхал бы потом в свое удовольствие.

— А я и так отдыхаю.

В каком-то смысле он передавал крестьянскую логику касательно труда ради прибыли.

А болота? Да, с точки зрения развития коммерческих отношений конечно они мешали передвижению. А с точки зрения крестьянской — в каком-то смысле защищали, никто зря не полезет. Вспоминается некрасовский Савелий-богатырь из поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», который убил вместе с другими крестьянами немца Фогеля, обманом заставившего их сделать болота проходимыми. С нежностью вспоминает он времена, когда деревня была неприступной для посторонних:

— А были благодатные

Такие времена.

Недаром есть пословица,

Что нашей-то сторонутки

Три года черт искал.

Кругом леса дремучие,

Кругом болота топкие.

Ни конному проехать к нам,

Ни пешему пройти!

Конечно, это не значит, что не было предприимчивых крестьян, которые не боялись и не ленились втянуться в деловые отношения. Все знаменитые купеческие династии XIX в. — богатеи из богатеев — вышли из крестьян. Но в том-то и суть, что те,

кто имели коммерческую жилку, уходили из деревни, начинали свое дело. А те, кто оставались, делали свое.

Отметим, кстати, что подобного рода отсутствие здоровой логики отмечали и в других сословиях как общенациональную черту. А. П. Чехов в повести «Моя жизнь» удивлялся от лица своего героя: «В думе, у губернатора, у архиерея, всюду в домах много лет говорили о том, что у нас в городе нет хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двести тысяч на водопровод; очень богатые люди, которых у нас в городе можно было насчитать десятка три и которые, случалось, проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили с азартом о займе — и я не понимал этого; мне казалось, было бы проще взять и выложить эти двести тысяч из своего кармана». Чем-то напоминает крестьянскую историю с осушением болот.

Очень наглядно передает Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» «борьбу» Левина с крестьянской натурой, бесполезность этой борьбы и, наконец, осознание героем необходимости принять все как есть. Пространность цитаты оправдана глубоким проникновением писателя во внутренний мир крестьянина: «Полюбовавшись на приплод нынешнего года, который был необыкновенно хорош, — ранние телята были с мужицкую корову, Павина дочь, трех месяцев, была ростом с годовых, — Левин велел вынести им наружу корыто и задать сено за решетки. Но оказалось, что на не употребляемом зимой варке сделанные с осени решетки были поломаны. Он послал за плотником, который по наряду должен был работать молотилку. Но оказалось, что плотник чинил бороны, которые должны были быть починены еще с масленицы. Это было очень досадно Левину. Досадно было, что повторялось это вечное неряшество хозяйства, против которого он столько лет боролся всеми своими силами. Решетки, как он узнал, ненужные зимой, были перенесены в рабочую конюшню и там поломаны, так как они и были сделаны легко, для телят. Кроме того, из этого же оказывалось, что бороны и все земледельческие орудия, которые велено было осмотреть и починить еще зимой и для которых нарочно взяты были три плотника, были не починены, и бороны все-таки чинили, когда надо было ехать скородить...

Посев клевера, и по теории и по собственному его опыту, бывал только тогда хорош, когда сделан как можно раньше, почти по снегу. И никогда Левин не мог добиться этого.

— Народу нет. Что прикажете с этим народом делать? Трое не приходили. Вот и Семен...

— Ну, вы бы отставили от соломы.

— Да я и то отставил.

— Где же народ?

— Пятеро компот делают (это значило компост). Четверо овес пересыпают; как бы не тронулся, Константин Дмитрич.

Левин очень хорошо знал, что “как бы не тронулся” значило, что семенной английский овес уже испортили, — опять не сделали того, что он приказывал...

Приказчик слушал внимательно и, видимо, делал усилия, чтоб одобрять предположения хозяина; но он все-таки имел столь знакомый Левину и всегда раздражающий его безнадежный и унылый вид. Вид этот говорил: все это хорошо, да как Бог даст. Ничто так не огорчало Левина, как этот тон. Но такой тон был общий у всех приказчиков, сколько их у него ни перебивало. У всех было то же отношение к его предположениям, и потому он теперь уже не сердился, но огорчился и чувствовал себя еще более возбужденным для борьбы с этой какою-то стихийною силой, которую он иначе не умел назвать, как “что Бог даст”, и которая постоянно противопоставлялась ему.

— Как успеем, Константин Дмитрич, — сказал приказчик.

— Отчего же не успеете?

— Рабочих надо непременно нанять еще человек пятнадцать. Вот не приходят. Нынче были, по семидесяти рублей на лето просят.

Левин замолчал. Опять противопоставлялась эта сила...

Некоторые из тех самых мужиков, которые больше всех с ним спорили за сено, те, которых он обидел, или те, которые хотели обмануть его, эти самые мужики весело кланялись ему и, очевидно, не имели и не могли иметь к нему никакого зла или никакого не только раскаяния, но и воспоминания о том, что они хотели обмануть его. Все это потонуло в море веселого общего труда. Бог дал день, Бог дал силы. И день и силы посвящены труду, и в нем самом награда. А для кого труд? Какие будут плоды труда? Это соображения посторонние и ничтожные».

Недостаток здравого смысла в обычном понимании, отсутствие стремления к материальной выгоде, накопительству, нестяжательство, своя, непонятная окружающим логика, порой на грани абсурда, приверженность чуду были важными чертами крестьянского менталитета. Отсюда и любовь к сказкам, чудесам, да еще и совершенно непрактичным и нелогичным. Ну, поймал ты щуку, выполняющую желания, ну, попроси мешок с золотом или дворец, так нет, надо зачем-то, чтобы печь из дома сама куда-то пошла. А попробуй вполне логично попроси у золотой рыбки новое корыто, тебя непременно накажут, и это всем понятно. Или сироту выгнали в лес, нашла она дом в диком лесу — полную чашу, все есть, казалось бы, отъешься за голодное детство, отдохни, спрячься. Так нет, ей скучно стало, вышла она на крыльцо и стала звать кого-

нибудь в гости. Ну и дозвалась бабу-ягу. Отсутствие обычной логики в русских сказках вполне соответствовало народному духу.

Крестьянские предпочтения и интересы были непонятны другим, но отвечали его внутреннему и внешнему миру. Знакомый крестьянин, рядом с которым жил в деревне Успенский, совершенно не интересовался газетными новостями, которые ему пересказывал писатель. Зато несколько вечеров провел на крыльце, наблюдая за уточкой и пытаясь разгадать, как она спасает своих утят от коршунов, потаскавших других. И сколько было радости и восхищения, когда ее хитрость (она водила их в обход, через лопухи, а не напрямую, как другие) была разгадана. Тут был тот неподдельный интерес, который пытался вызвать своими газетами Успенский.

Интересно, что и в современном человеке живы элементы определенной абсурдности и отсутствия здравого смысла. Правда, ушла основа — земледельческий труд, остался только характер. Ну не удивляет ли иногда строительство роскошных особняков и отсутствие к ним подъездных дорог. То есть маленькую у дома сделают, но до нее надо доехать по рытвинам и колдобинам, хотя, очевидно, средства позволили бы хозяевам скинуться и сделать хорошую дорогу. Но нет, прыгают по кочкам на шикарных машинах, зато и враг не пройдет. Или в бизнесе: откроют ресторан и подают несвежую пищу, второй раз никто не придет, зато сэкономили, обманули, выгадали. В дорогом красивом доме отдыха в Карелии, на берегу озера, все красиво и очень дорого, но очень медленный завтрак, носят яичницу раз в 15 минут. На вопрос «Почему?» логично отвечают: «У нас одна сковородка». Предложение купить вторую вызывает удивление, как будто и в голову это прийти не могло. Примеров такого рода можно найти в российской жизни повсюду великое множество.

Еще одно важное свойство: русский человек не может толком ничего хорошо делать без любви и идеи. Должен быть какой-то важный смысл в работе, а не просто сытость и богатство. Сколько бывших инженеров до сих пор с ностальгией вспоминают свою работу в каком-нибудь конструкторском бюро. Вот это была жизнь: сообща, порой без сна, всегда без денег, делали важное общее дело, имевшее большое значение для всей страны (даже если оно было им неизвестно). А сейчас, в своем бизнесе (если это, конечно, удачливый бывший инженер), никакой радости — ну дом, ну яхта, ну жена длинноногая молодая красавица, ради чего работаешь — не понятно, да и единомышленников нет, в бизнесе каждый сам за себя.

Особенно это важно и заметно в сельском хозяйстве. Была у крестьянина любовь к земле, идея ответственности за нее, и все было преодолимо — и тяжелый крестьянский труд, и даже крепостная зависимость. Был смысл в работе. Отняли ответственность, ушла

любовь, никак не заставишь на земле работать. В советское время хорошо понимали важность идеи для русского человека — делали упор на любовь к родине, труд во имя светлого будущего, равенство и справедливость, вселенский замах. Это было понятно и работало какое-то время: поднимали целину, разворачивали масштабные стройки, строили космические корабли, догоняли и перегоняли. Но потом стало очевидно, что в основном это все слова, потом стали разоблачать, подрывать именно идейную сторону, и русскому человеку стало неинтересно работать, потерялся смысл.

Ряд других особенностей характера проистекает из крестьянского уклада. Крестьянский труд всегда сезонный. Он предполагает максимальное напряжение сил в определенное время, прежде всего летом, и покой в зимний период. Может быть, поэтому русский человек привык работать урывками, то полностью выкладываясь, то впадая в некое оцепенение. Это сегодня нередко приводит к конфликтам на фирмах, труд на которых организуют иностранные менеджеры. Ну как объяснить иностранцам слово «аврал»? А русскому человеку оно понятно и близко.

По-своему замечательный и очень типичный эпизод из крестьянской жизни приводит А. А. Фет. Крестьяне, удивлялся он, не любят работать с машинами: «...машина, этот плод глубоко обдуманных и стройных производств прилежного Запада, есть наилучший и неумолимый регулятор труда. Машина не требует порывистых усилий со стороны прислуживающего при ней человека. Она требует усилий равномерных, но зато постоянных. Пока она идет, нельзя стоять, опершись на вилу или лопату, и полчаса перебраниться с бабой»⁸². Они наотрез отказались работать у одного помещика с молотилкой, на вопрос «Почему, ведь она облегчает вам труд?» отвечали: «Да что, батюшка, немоготу жить. Сами ходите под машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась».

Пространное, но очень верное сравнение русских и немцев делает А. Н. Энгельгардт: «Наш работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в течение года — он работает порывами. Это уже внутреннее его свойство, качество, сложившееся под влиянием тех условий, при которых у нас производятся полевые работы, которые вследствие климатических условий должны быть произведены в очень короткий срок. Понятно, что там, где зима коротка или ее вовсе нет, где полевые работы идут чуть не круглый год, где нет таких быстрых перемен в погоде, характер работ совершенно иной, чем у нас, где часто только то и возьмешь, что урвешь! Под влиянием этих различных условий сложился и характер нашего рабочего, который не может работать аккуратно, как немец; но при случае, когда требуется, он может сделать невероятную работу — разумеется, если хозяин сумеет возбудить в нем необходимую для этого

энергию. Люди, которые говорят, что наш работник ленив, обыкновенно не вникают в эту особенность характера нашего работника и, видя в нем вялость, неаккуратность к работе, мысленно сравнивая его с немцем, который в наших глазах всегда добросовестен и аккуратен, считают нашего работника недобросовестным ленивцем. Я совершенно согласен, что таких работников, какими мы представляем себе немцев, между русскими найти очень трудно, но зато и между немцами трудно найти таких, которые исполнили бы то, что у нас способны исполнить, при случае, например, в покос, все. В России легче найти 1000 человек солдат, способных в зной, без воды, со всевозможными лишениями, пройти хивинские степи, чем одного жандарма, способного так безукоризненно честно, как немец, надзирать за порученным ему преступником»⁸³.

Под влиянием, видимо, подобной неравномерности труда сложилось характерное для русского человека отношение ко времени. Конечно, сыграли роль и другие факторы: размеренная неторопливость деревенской жизни, когда обычно некуда спешить; бескрайние просторы — торопись, не торопись, все равно никуда быстро не доедешь; климат, когда внезапная метель может спутать все планы.

Еще в XIX в. иностранцы много иронизировали по поводу легкомысленного отношения русских ко времени. Особенно раздражало это свойство русского характера деловитых американцев, уже тогда твердо знавших, что время — деньги. Удивляла и неспешность русского человека в работе: «...воскресенье — это праздник, когда нельзя работать, накануне он к нему готовится, на следующий день — трезвеет, а так как обычно во время рабочей недели есть еще по крайней мере один праздничный день и та же история повторяется, для работы остается совсем немного времени»⁸⁴.

Следуя этой старой «доброй» традиции, правительство и в советское время, и сегодня внимательно следит, чтобы праздников у людей было как можно больше и ни один не пропал зря. Если вдруг какой-нибудь из них попадает на воскресенье, что неизбежно периодически случается, то выходной обязательно переносят на рабочий день. Если отменили празднование дня революции, то ввели день победы над поляками (именно так День народного единства известен в народе). При этом праздники отмечаются долго и с удовольствием. Новогодние праздники растягиваются в среднем на месяц. За две недели до Нового года большинство организаций прекращает работать, считая нецелесообразным браться за дела перед праздниками. На предприятиях идут празднования на самых различных уровнях, которые никогда не совпадают, поэтому все это время превращается в один растянутый банкет. Люди озабочены покупкой подарков, продуктов, решением хозяйственных и семейных проблем. Некоторые в последние годы отмечают 25 декабря западное Рождество, сегодня много международных семей и компаний, да и вообще

лишний праздник всегда приятен. После 1 января праздники продолжаются: 7 января празднуется православное Рождество, 14 января — так называемый старый Новый год. Это негосударственный праздник, но многие его свято соблюдают. Существует «весенний блок» — 23 февраля и 8 марта, когда бездействие продолжается не меньше двух недель, ноябрьские праздники, объединившие старые и новые. К ним добавились в последнее время религиозные, например празднование Пасхи занимает и подготовку — строгий пост — и последующее разговение, народные, такие как масленичная неделя. Словом, русские по-прежнему удивляют иностранцев обилием праздников и какой-то истовостью в их отмечании.

Отсутствие привычной «американской» пунктуальности в русских всегда раздражало и сбивало с толку. Русский человек «не имеет чувства времени и пространства, — иронизировал американский путешественник в середине XIX в. — Для него один час похож на другой, и если он обещал починить ваше пальто к десяти часам утра, он не увидит большой беды, если пришлет его вам к 11 часам ночи»⁸⁵. Отражение непунктуальности русских находили в языке. «Путешествующий по России, — отмечал он, — слышит “Si chass” по несколько раз за день... Дословный перевод “Si chass” — “этот час”, и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выполнение самого простого требования нередко уходит действительно час»⁸⁶.

И сегодня со временем у русских отношения очень свободные. Заглянув на 5 минут в гости, русский знакомый может спокойно просидеть до позднего вечера, если сложился душевный разговор. А опоздание на 15 минут и вообще за опоздание не считается. Сегодня, когда к климатическим, природным и географическим трудностям добавились еще и автомобильные пробки, время рассчитать действительно довольно трудно.

Для русского человека трудно представить, что если в приглашении на прием указывается, что встреча состоится с 5 до 8 вечера, это так и есть. Для россиянина важна начальная точка отсчета — сбор в 5, но то, что, например, те же американцы действительно в таких случаях расходятся к 8 часам, когда настоящее общение только начинается, выйдя из стадии «светского», не может не удивлять. В России во время приемов редко представляют, что есть понятие «регламент». Общение продолжается до тех пор, пока есть желающие общаться.

Чувство братства и коллективизма породило множество других особенностей национального характера русских. Отношения между людьми в России носят неформальный характер, и дружба ценится очень высоко. Будьте готовы к тому, что на обычный вопрос «Как дела?» вы получите от русского знакомого подробный отчет. Формальность иностранцев в данном случае часто обижает русских. Один известный

режиссер московского театра (Г. Волчек) рассказывала, как, находясь в Америке, она провела своеобразный эксперимент. На вопрос «How are you?» поспешно выпалила: «У меня муж утопился». На что услышала обычное: «Рада слышать». Важна не столько достоверность этой истории, сколько сам факт обиды известного человека, много путешествующего за границей, образованного и начитанного, но реагирующего на ситуацию в соответствии с особенностями русской традиции.

Откровенность русских в личных вопросах не перестает удивлять иностранцев. Формальные, светские отношения и разговоры русскому человеку чужды и мало понятны. Так, не удивляйтесь, если во время ночной поездки из Москвы в Петербург в поезде совершенно незнакомые люди, оказавшись волей случая в одном с вами купе, успеют рассказать вам подробности своей личной жизни.

Общение человека с человеком в России, даже на деловом уровне, всегда очень личное. Расспросы, касающиеся личных дел, чувств, состояния души, столь же обычны, сколь и рассказы о себе. Может быть, именно поэтому в России мало приняты светские разговоры «о погоде». Часто обижает русских и распространенная на Западе традиция посылать «готовые» поздравительные открытки. Одна моя знакомая рассказывала с глубокой обидой, как после полугодового молчания она получила письмо от своих американских знакомых, обрадовалась, предвкушала чтение его, а, открыв, увидела казенное «Happy New Year» и подпись «Anne and John». Для русского человека это не столько знак внимания, сколько пренебрежение. Это значит, что человек даже не удосужился написать о себе несколько слов, не захотел поделиться новостями о своей жизни, семье, работе. Именно этого ждет русский человек от переписки.

Откровенность русского человека уживается бок о бок с крайней подозрительностью и скрытностью, что также обусловлено привычкой жить в коллективе. Простой, но наглядный пример. В России в провинции принято собирать грибы — это своеобразный любимый спорт русских и одновременно лакомое блюдо. Возвращаясь из леса, деревенские грибники, как правило, стремятся прикрыть свою корзинку листьями, ветками или какими-нибудь тряпками, говоря при этом: «Зачем надо, чтобы другие знали. Если много наберешь — все в лес побегут по нашим местам, опять же завидовать будут, ненужное зло затаят. Если мало — стыдно, как будто мы грибов найти не умеем». Чрезмерная осторожность русского человека нередко приводит к невольному обману и усложнению простых явлений и ситуаций без видимой причины.

Своеобразное отношение сложилось в народе и к понятию «свобода». О его освобождении думали, мечтали все — от императоров до разночинцев. И только сам крестьянин, как и всегда, мечтал о земле. Сама по себе свобода была для него пустым

звуком. Наверное, потому, что он и так чувствовал себя свободным. Защищенный общинным строем, затерянный в бескрайних просторах, русский крестьянин слабо чувствовал личную зависимость. Он платил оброк, так же поступали его предки, работал на земле, сообща решал проблемы. Конечно, были случаи жестокого обращения с крепостными, насильственной продажи, но это в основном касалось тех, кто непосредственно находился в услужении у господ, дворовых слуг. Пока крестьянин давал средства к существованию, было глупо притеснять его без причины. Это понимали и помещики, и государство.

М. Е. Салтыков-Щедрин, не самый большой поклонник существовавшего строя вообще и крепостничества в частности, все-таки был вынужден признать в «Пошехонской старине»: «Вообще мужика берегли, потому что видели в нем тягло, которое производило полезную и для всех наглядную работу. Изнурять эту рабочую силу не представлялось расчета, потому что подобный образ действия сократил бы барщину и внес бы неурядицу в хозяйственные распоряжения. Поэтому главный секрет доброго помещичьего управления заключался в том, чтоб не изнурять мужика, но в то же время и не давать ему “гулять”».

Очень ярко проявилось отношение к свободе во время отмены крепостного права (кстати, крепостных накануне отмены было около половины крестьянства, остальная половина тем более не чувствовала своей несвободы). Как уже не раз отмечалось, крестьяне были разочарованы. Свобода без земли их не интересовала. А. Фет после объявления Манифеста удивлялся спокойствию и отсутствию реакции. Спросил мужиков, поняли они, что произошло. В ответ услышал: «Как не понять! Поняли одно, что надо теперь всех слушаться от мала до велика». Вот и долгожданная свобода!

Интересно получение свободы описывает бывший крепостной Ф. Д. Бобков, живший в городе в услужении у барыни. Он описывает растерянность и даже испуг, царившие среди бывших теперь крепостных и их помещиков. С другими дворовыми он обходит знакомых: «Заходили нарочно к Нивинским узнать о поваре, который когда-то похвалялся при освобождении наглубить господам. Оказалось, что он был смирнее остальных дворовых, молился и плакал». Сам Бобков поссорился со своей барыней, возразив ей по незначительному поводу. Напряжение, непонимание новых отношений было настолько велико, что «барыня стала кричать: “Да, вы теперь вольные, имеете права. Смеее рассуждать... не слушаться, грубить” — и стала плакать». Вскоре получил предложение от родственника барыни пойти к нему в услужение и догадался, что его хозяйка больше не хочет его видеть. Он плакал всю ночь⁸⁷. Описание эпизода

освобождения напоминает любовные перипетии, слезы, обиды, но никак не празднование освобождения.

Даже в языке слово «свобода» имеет своеобразный оттенок — либо политический, либо буйно-бесконтрольный. Еще была «воля», это было более понятно, но тоже с оттенком беспорядка.

Свобода для крестьянина — это бесконтрольная вырубка леса (если помещик или община не брали дело под свой контроль), так что на месте рощи оказывалась безобразная вырубка. Еще русский предприниматель петровской эпохи Посошков сетовал: «Паки был я на Черни и во Мценску и видел там, что рубят на дрова самой молодой лес толщиной в гороховую тычипу и на один воз срубят дерев сто и болше, а в том же лесу видел я лежит валежнику. И стоячие деревья есть тако, что из одного дерева будет возов десять и больше, и пока старой лес были б подбирать, а тот бы молодежник подрос и им же бы пригодился всем»⁸⁸. А после отмены крепостного права порубки крестьянами леса стали притчей во языцех.

Свобода — это уничтожение помещичьих усадеб, как у Н. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»:

Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит,ся,
Как много вышло дров!

Свобода была и в кабаке. Г. Успенский долго добивался от одного сильно пьющего и опустившегося, а когда-то в прошлом крепкого крестьянина, как он дошел до жизни такой, и услышал: «От жизни свободной, вот отчего!»

В чудесном старом фильме про свадьбу в Малиновке атаман излагает свою программу: «Мы стоим за свободную личность». Крестьянская реакция проста: «Значит, будут грабить...» Вот она, свобода, в крестьянском понимании.

И в революцию народ привлекли не обещанием свободы, а миром и землей. И после перестройки вновь все за пределами России радовались: пришла свобода. А люди скучали по стабильности и порядку, по чистым улицам и ценам, адекватным зарплатам.

Отсюда и случающаяся время от времени во всех слоях общества ностальгия по старым временам, какие бы идеологизированные и «несвободные» они ни были.

Наконец, важной частью крестьянского мировоззрения была приверженность традиции. Критики называли эту черту консерватизмом, доброжелатели — патриархальностью. Толстой назвал это «естественным порядком вещей», который так и не смог побороть помещик Левин. Причины этого явления были различны. Сложные природно-климатические условия, трудности ведения хозяйства и всевозможные перипетии в истории страны заставляли крестьянина не рисковать⁸⁹. Старые, проверенные временем и опытом предков приемы считались самыми надежными.

Труд русского крестьянина был тяжелым и малопродуктивным. На этом сходятся большинство исследователей его истории. В этой ситуации, по мнению современного историка, «русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями. Форма этого опыта в виде непоколебимой традиции, неизменного обычая и правил диктовала беспрекословность их соблюдения»⁹⁰. Таковы были правила выживания и жизненные привычки.

К чисто материалистическим причинам добавлялись особенности характера и духовного склада крестьянина, перечисленные выше: отношение к земле как к святыне, взгляд на рождение хлеба как на чудо, фатализм, довольствование малым для пропитания, нежелание использовать свою землю для стяжательства и извлечения выгоды, общинный способ решения вопросов ведения хозяйства (один хозяин еще мог бы рискнуть, но коллектив всегда более консервативен).

Две особенности развития России вытекали из традиционности крестьянина. Первая, совпадавшая с общегосударственным направлением и в других сферах жизни, заключалась в единообразии способов ведения земледелия в самых разных частях страны. Свои традиции и сельскохозяйственный опыт крестьянство приносило и на новые осваиваемые земли. Безусловно, этот традиционализм сочетался с умением крестьянина приспосабливаться к местным условиям, пробовать и экспериментировать. Однако в своей основе сохранялся общий ход и ритм ведения сельскохозяйственных работ.

Поддержание традиции было важно не только в труде, но и в быту. Отдельные авторы, подобно осознавшему в конце концов, как он считал, правду крестьянского бытия Г. Успенскому, полагали, что для сохранения земледельческого порядка и стройности деревенских отношений необходимо ограждать крестьянина от любых влияний современной цивилизации, «уничтожить все, что носит мало-мальски чуждый земледельческому порядку признак: керосиновые лампы, фабрики, выделяющие ситец,

железные дороги, телеграфы, кабаки, извозчиков и кабатчиков, даже книги, табак, сигары, папиросы, пиджаки и т. д. и т. д.»⁹¹. Конечно, это преувеличение, прогресс и удобства проникали в крестьянскую среду не так быстро, как в городскую, но неуклонно, принимались ею и совершенно при этом не уничтожали образа жизни крестьянина.

Другое дело, когда подобного рода перемены нарушали привычный традиционный ход жизни. В этом случае неизбежно возникали проблемы и негативные последствия. И это можно считать второй особенностью, связанной с приверженностью крестьян к устоявшейся традиции.

Подобного рода очередной «сбой» произошел в XX в. и в конце концов привел к уничтожению крестьянского образа жизни, а заодно и крестьянства как социальной группы.

Необратимые, хотя и постепенные перемены начались вскоре после революции и образования нового государства. Советское правительство первоочередной задачей поставило индустриальное развитие страны. К тому же рабочий класс был гегемон, это звучало гордо в то время, а крестьянство неизбежно ассоциировалось с чем-то отсталым и устаревшим. Перед рабочим классом открывались невиданные горизонты. Так, во всяком случае, провозглашалось, и на деле действительно рабочие имели определенные привилегии и снабжение в голодные годы. Отток населения в города принял невиданный размах. Этому же способствовала и новая политика правительства в деревне, постепенно ужесточавшаяся: сплошная коллективизация, переселение, а порой и ликвидация зажиточных крестьян. Хорошему хозяину в деревне было опасно, плохому — голодно. Города росли и развивались, в них начиналась новая, более удобная и активная жизнь, деревня же продолжала доживать век своими старыми устоями, плохо адаптировавшимися к новому времени. Молодежь стремилась в города, деревня старела в прямом и переносном смысле.

Война на какое-то время всколыхнула интерес к работе на земле. Надо было кормить страну, воинов, защищавших ее, это давало стимул и силы. Но война кончилась, все силы были брошены на восстановление городов, заводов и фабрик. Бывшие командиры получали ответственные назначения на важных объектах и забирали с собой свои деревенские семьи, опустошали фамильные гнезда. Многие и сами не возвращались в родную деревню. Кому-то было не к кому, не хотелось начинать новую жизнь на развалинах старой. Кому-то было некуда, многие деревни были просто сметены с лица земли. Кому-то война открыла новый мир, новые горизонты, старая деревенская жизнь выглядела теперь убогой и жалкой.

После войны даже сам термин «крестьянство» стал постепенно уходить в область истории. Появились «колхозники», «сельскохозяйственные работники», «труженики полей». Появился совсем уж политически некорректный термин «неперспективная деревня». Такие деревни фактически просто бросили на произвол судьбы вместе с доживавшими там свой век старухами.

Но все-таки деревня еще жила, еще цеплялась за свои традиции. Еще оставались люди, у которых любовь к земле была в крови и не пускала их в города, к легкой жизни. Своеобразным отражением этого последнего вздоха русской деревни стало творчество так называемых деревенщиков — писателей, пытавшихся привлечь внимание читателей к проблемам вымирающих деревень, уходящего деревенского образа жизни. Они писали произведения все о тех же вечных ценностях крестьянской жизни, которые и входят в понятие «традиция». Очень горькие по своему звучанию и вместе с тем светлые в своем безнадежном стремлении остановить неизбежное.

В повести В. Г. Распутина «Пожар» (1985) герой, не выдержав «новой» деревенской жизни, наполненной всеобщим пьянством, воровством, безответственностью, открытым бандитизмом, в которой нет места знакомому труду и привычным отношениям между людьми, решает бросить все и уехать далеко, к сыну. Но, несмотря на трудности, порой даже отчаяние, очень трудно человеку крестьянской закалки бросить свою землю: «Никто за хвост не держит, а Сосновка сама? А земля, которой отдана жизнь? И жизнь всего позадного, прежнего рода. Неужели оставить все это архаровцам, которые, идучи с работы, по дороге сворачивают на кладбище оправляться, с чем прихватил их однажды Иван Петрович? Кому-то надо или не надо держать оборону? Проть чужого врага стояли и выстоим, свой враг, как и свой вор, пострашнее».

Почти безнадежно заканчивается повесть, уже и у автора почти нет надежды. И характерно, что опять о ней, о земле: «Издали-далеко видел он себя: идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас за перелесок и скроется навсегда.

Молчит, не то встречая, не то провожая его, земля.

Молчит земля.

Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь ты?

И разве молчишь ты?»

А вот герой повести Ф. А. Абрамова «Дом», написанной немного раньше (1973–1978), еще живет своей работой, полем, землей. Вокруг него тоже все разлагается, распадается, уходят традиционные отношения, теперь уже колхозные, сохранявшие хоть какие-то элементы деревенской демократии. В новом совхозе уже не крестьяне, а

сельскохозяйственные рабочие. Живут на гарантированную зарплату, работать не хотят, старших не слушают, а главное — равнодушны к земле, к своему труду, без чего не может существовать крестьянский труд. Но сам герой еще счастлив своим ощущением близости к земле: «В Москве чего только он не видел, куда только его не таскала Татьяна: и на выставку народного хозяйства, и в Кремль, и даже в Большой театр, куда и иностранцам-то не всегда ход есть, а нет, все не то, все ерунда по сравнению с этой вот доморощенной красотой, с этой ширью да с этими просторами. И он снова и снова делал заход глазами, жадно ловил, вдыхал травяной ветер, а потом не выдержал и безрассудно, как молодой конь, со всех ног ринулся под угор. А под угором он отбросил в сторону топор и — хрен с вами, дивитесь, люди! — начал кататься по траве».

Интересный материал по истории советской деревни содержится в воспоминаниях историка К. Г. Левыкина. Обстоятельные мемуары, относящиеся к современной жизни, — вещь крайне редкая. Мемуарная литература, столь широко распространенный в XIX в. жанр, после революции постепенно сошла на нет. В последние годы вновь появляются мемуарные произведения и, что характерно, многие из них написаны историками. Как будто, понимая важность подобно рода личных источников, они стремятся возродить этот очень интересный и содержательный вид литературного творчества. И совсем уж редки столь подробные описания деревенской жизни, которые дает К. Г. Левыкин.

Автор поставил непростую задачу: показать историю своей «фамильной» деревни, рассказать о судьбах людей, о родных и близких. Деревня Левыкино прошла обычный для многих небольших деревень путь. Дружно и безоговорочно вступили в колхоз. Арестовали и выслали богатых крестьян — самых толковых и работоспособных. После начала коллективизации руководство перешло в руки людей никчемных, зато самых бедных. И все-таки перед войной жизнь как-то наладилась, обустроилась. Страшный удар нанесла, конечно, война. Мужчины ушли на фронт, остальные были эвакуированы, территория была оккупирована немцами, и деревня превратилась в пепелище. И все-таки люди вернулись и стали вновь отстраиваться, выбрали толкового председателя из фронтовиков, восстанавливали общественные постройки, засевали колхозное поле. Никто не спешил восстанавливать свое личное жилище и хозяйство: сначала колхозное, в этом была надежда на будущее.

По мнению Левыкина, добило его родную деревню решение об укрупнении колхозов: «Они безоглядно гнули линию на укрупнение и, я бы сказал, на ликвидацию мелких и даже средних колхозов, сложившихся на основе старой соседской общины. Это и был окончательный удар по многовековому крестьянскому укладу жизни, образу народного мышления, по народной культуре. Разрушилось то, что не единожды помогало

России выдержать и непредвиденные удары стихии, и смуты, и войны, и голод, и холод». И не одна его деревня оказалась брошенной: «Полученный таким образом негативный результат привел к определению бесперспективными тысяч русских деревень. Их не электрифицировали, не радиофицировали, не строили в них клубов или магазинов, не показывали кино. И народ побежал из них, бросая с раскрытыми настежь дверями и окнами великолепные, на высоком подклете бревенчатые дома... Казалось, что нечистая сила или смертельная эпидемия выморила эти деревни»⁹². Эту страшную картину знают все, кто путешествовал по российской глубинке. Да и далеко ехать не надо. Земли вокруг Москвы сейчас стали популярными и идут нарасхват, а если отъехать 100–150 километров, картина печальная. Хорошо хоть горожане-дачники, стосковавшиеся по природе, заселяют теперь эти брошенные очаги былой жизни.

Перестройка окончательно «добила» русскую деревню, оказавшуюся практически без средств к существованию и безнадежно отставшую от новой жизни. В деревню стали попадать люди случайные, интересовавшиеся только заработками и бесконтрольной жизнью. Очень часто не просто пьяницы, но и бывшие уголовники. Безуспешную битву вели в середине 1980-х гг. дачники, поселившиеся в одной вологодской деревне: пастухи из уголовников буквально забивали стадо, гоняя его без всякого смысла. Особенно страдали телята, которые не могли выдержать побоев и гибли прямо в поле. Левыкин рассказывает о том, как загулявшие доярки несколько дней не доили стадо: «Буренки ревели на всю округу. Но ни одна душа не откликнулась на их зов... Никто не пришел на ферму, никто не освободил коровушек от молочного бремени. Стадо было загублено. Коров сдали на бойню, а ферма самоликвидировалась. Никто в колхозе не понес за это ни наказания, ни морального осуждения»⁹³. Много таких историй, в разных местах своя. Итог же один — полное уничтожение остатков былой жизни.

Что касается современной ситуации в сельском хозяйстве, то она, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Вот сухие, но вполне наглядные цифры из Новой Российской энциклопедии. Начать с того, что в разделе «Экономика» промышленности отводится 45 страниц, финансам — 17, а сельскому хозяйству — 6. Это уже говорит о многом: в такой огромной стране нечего сообщить о сельском хозяйстве, кроме того, что оно чуть теплится.

Сравнение идет с 1990 г., т. е. с не так уж и давним временем. Более того, 1990-е гг. сами по себе уже в плане сельского хозяйства ничего, кроме полного развала, не представляли. Однако оказалось, что может быть и хуже.

Сначала даже как-то торжественно сообщается о реформах: 1991 г. — аграрная реформа, реорганизация сельскохозяйственных предприятий, ликвидация

государственной монополии на землю, к 2000 г. в частную собственность перешло 130 млн. га, сформирован сектор крестьянских (фермерских) хозяйств — около 3% производства (это почище столыпинского провала с хуторами и отрубам), в 2002 г. принят Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в том числе регламентирующий куплю-продажу. Затем идут итоги «преобразований»: «В 2000 г. в сельском и лесном хозяйстве 13,4% всех занятых в экономике (в 1990 — 13,2%)». То есть количество занятых не сократилось. Но это единственное, что осталось на прежнем уровне. «Удельный вес с/х в ВВП — 7,5% (в 1990 г. — 16,4%). В инвестициях в основной капитал — 2,8% (в 1990 г. — 15,9%)».

Производство основных видов продукции с/х в с/х предприятиях (в процентах) с 1990 г. по 2001 г. сократилось:

Зерно — с 99,7 до 88,2

Картофель — с 33,9 до 6,3

Овощи — с 69,9 до 30,1

Скот и птица — с 75,2 до 41,0

Молоко — с 76,2 до 47,34

Шерсть — с 75,5 до 0

Одновременно с этим отмечается снижение и качества продукции.

Парк основных видов техники в с/х предприятиях (в тыс. единиц) с 1990 г. по 2001 г. сократился:

Тракторы — с 1365,6 до 697,7

Зерноуборочные комбайны — с 407,8 до 186,4

Картофелеуборочные комбайны — с 32,3 до 8,5

Среди них более 70% выработали сроки эксплуатации, в частности около 80% тракторов с возрастом более 15 лет (т. е. совершенное старье)⁹⁴. И так далее, подобного рода подробных данных еще несколько таблиц.

Цифры — скучная вещь, но картина, которую они воссоздают, очень живо говорит о том, что сельского хозяйства не только нет, но пока и не предвидится.

Россия — страна огромная. Деревни и села, хоть как-то выжившие за все эти годы, затерялись на ее просторах. В большинстве из них воду по-прежнему носят из колодца, отапливают дома дровами, готовят еду на дровяной печке, на ней же нагревают воду для стирки и купания. Стиральные и посудомоечные машины, микроволновые печи — все эти и другие технические новшества, призванные облегчить жизнь, практически недоступны русской деревне. В неотапливаемый туалет бегают на улицу. В магазине, если

он есть, продается только самое необходимое. (Прекрасный диалог в деревенском магазине в конце 1990-х: Москвичи: «Скажите, что можно купить поесть?» Продавщица, в дверях на пороге: «Дак только хлеб». Москвичи (оголодавшие): «Ну хорошо, давайте хлеб». Продавщица (победно): «Дак его не привезли».)

Культурных мероприятий нет никаких. В советское время предпринимались попытки хоть что-то сделать в этом направлении, открывались клубы и кинотеатры, сегодня, без государственной поддержки они пришли в полное запустение. В условиях новой рыночной экономики в деревне практически нечем зарабатывать, так что многие живут натуральным хозяйством — картошкой, луком, капустой. Стоит ли удивляться, что молодежь, да и не только она, стремится вырваться из такой жизни любой ценой.

Однако тяга к деревенской жизни, к просторам и природе жива в русских людях. Более того, сегодня, по мере пресыщения городской жизнью, она заметно нарастает. Россия за сто лет превратилась из страны деревенской в городскую, но население все еще хранит, пусть и подсознательно, память о жизни посреди лесов, полей и рек. Спроси сегодня городского жителя, хочет ли он переехать в деревню. Большая часть ответит категорическим «нет». Но жалобы на усталость от городской жизни, тоска по свежему воздуху, по бескрайним просторам нарастают.

Надо отметить также и проникновение многих деревенских бытовых традиций в городскую жизнь. Привычка берет свое, и многие горожане живут в городе по тем же законам, что и в деревне, стараясь сохранить особенности деревенского быта. Многие из них знают только свой район, практически не покидают его. Одна деревенская жительница завела в своей комнате в коммунальной квартире в Москве кроликов, а на жалобы соседей отвечала, что они напоминают ей о родной деревне, да еще и с крестьянской практичностью планировала, как все их будут есть, а из меха сошьют шапки. Деревня, исчезая в естественной среде, живет в российских городах.

Московские дворы, воспетые в песнях, фильмах, картинах и художественной литературе, не случайно во многом являлись имитацией деревенской патриархальной жизни. В них все знали друг друга, готовы были помочь, делили радости и горести. Сегодня их теснят огромные элитные дома, гораздо более красивые и удобные, но старый московский двор вспоминают с тоской.

Безусловно, в своем традиционном виде русская деревня ушла в прошлое. Возрождение ее — дело политиков и экономистов. Еще раз подчеркнем, она оставила богатое наследство — в характере, образе жизни и мыслей современного россиянина.

Глава 4

¹ По данным, опубликованным в материалах переписи 2002 г. В литературе часто используются данные, приводимые в работах В. И. Ленина: 12,9% в городах, остальные в сельской местности. И в том, и в другом случае в сельской местности проживало подавляющее большинство.

² *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 509.

³ *Мальцев Ю.* Иван Бунин. М., 1994. С. 157–158.

⁴ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. М., 1987. С. 377–378.

⁵ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 91.

⁶ *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 391, 393.

⁷ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 181.

⁸ *Боборыкин П. Д.* За полвека. Воспоминания. М., 2003. С. 3.

⁹ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 19–20.

¹⁰ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. СПб., 2004. С. 166, 171.

¹¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 121.

¹² *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. Итальянец в России XVI века. М., 1996. С. 60.

¹³ *Олеарий.* Указ. соч. С. 34–35.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 205.

¹⁶ Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф. А. и Эфрон И. А. Т. 5. СПб., 1891. С. 423.

¹⁷ *Gurowski A.* Russia as It Is. N. Y., L., 1854. P. 180.

¹⁸ *Browne John Rs.* The Land of Thor. N. Y., 1867. P. 46.

¹⁹ *Buckham G.* Notes from the Journal of a Tourist. V. I–II. N. Y., 1890. P. 393–394.

²⁰ *Buckley J. M.* The Midniht Sun, the Tsar and the Nihilist: adventures and observations in Norway, Sweden and Russia. Boston, 1886. P. 302.

²¹ *Hoffman W.* Leisure house in Russia. L., 1883. P. 6–7.

²² Быт великорусских крестьян-хлебопашцев. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1993.

²³ *Беляев И.* Крестьяне на Руси. М., 2002. С. 140.

²⁴ *Чичерин Б. Н.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник, 1856.

²⁵ *Haxthausen A.* Studies on the interior of Russia. Chicago, 1972. P. 26.

²⁶ *Wallace D. M.* Russia. On the Eve of War and Revolution. Princeton, 1961. P. 268.

²⁷ *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.

²⁸ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 45–47.

²⁹ *Златовратский Н. Н.* Указ. соч. С. 305.

³⁰ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 32.

³¹ *Селиванов В. В.* Год русского земледельца // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 26.

³² *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 162.

³³ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 110.

³⁴ Там же. С. 110.

³⁵ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. М., 1987. С. 96.

-
- ³⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 57.
- ³⁷ Там же. С. 57, 61.
- ³⁸ Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 442.
- ³⁹ Успенский Г. И. Указ. соч. С. 395.
- ⁴⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 47.
- ⁴¹ Wallace D. M. Op. cit. P. 285.
- ⁴² Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 540.
- ⁴³ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 83.
- ⁴⁴ Там же. С. 92.
- ⁴⁵ Browne. Op. cit. P. 156, 158.
- ⁴⁶ См. кандидатскую диссертацию А. В. Фатющенко «Интеллигентские земледельческие общины в России и США в последней четверти XIX века. Культурологические аспекты». М., 2007.
- ⁴⁷ Dixon W. H. Free Russia. L., 1870. V. 2. P. 43, 44, 45, 60.
- ⁴⁸ Eckardt J. Modern Russia. Leipzig, L., 1870. P. 185.
- ⁴⁹ Geddie J. The Russian Empire. L., 1882. P. 200.
- ⁵⁰ Wallace D. M. Op. cit. P. 275.
- ⁵¹ Dixon W. H. Op. cit. V. 2. P. 44.
- ⁵² Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993.
- ⁵³ Там же. С. 79, 88.
- ⁵⁴ Пушкарев С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001. С. 83.
- ⁵⁵ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть 1. СПб., 1896. С. 89, 96.
- ⁵⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. М., 1994. С. 471.
- ⁵⁷ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987. С. 372, 373.
- ⁵⁸ Сидоровни Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за отечество. Саратов, 2002. С. 275–276.
- ⁵⁹ См., например: Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.
- ⁶⁰ Пушкарев С. Г. Указ. соч. С. 421–422.
- ⁶¹ Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 23, 25, 27, 28.
- ⁶² Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 19.
- ⁶³ Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 82, 85, 89, 90, 80, 83, 84, 92.
- ⁶⁴ Там же. С. 113.
- ⁶⁵ Успенский Г. И. Указ. соч. С. 69.
- ⁶⁶ Горянин А. Мифическая община и реальная собственность // Отечественные записки. 2006. Т. 30. № 3. С. 302, 305. Он же. Мифы о России и дух нации. М., 2002. С. 38.
- ⁶⁷ Максимов С. В. Куль хлеба. Л., 1987. С. 485.
- ⁶⁸ Филологический факультет МГУ. 1950–1955. Жизнь юбилейного выпуска. Воспоминания, документы, материалы. М., 2003. С. 91.
- ⁶⁹ Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 583.
- ⁷⁰ Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russia. Intercultural Press, 1992.
- ⁷¹ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 272, 273.
- ⁷² Былины. Сер. «Библиотека русского фольклора». Т. 1. М., 1988. С. 35.
- ⁷³ См., например: Тульцева Л. А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // Русские народные традиции и современность. М., 1995.

-
- ⁷⁴ Русские. Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 2005. С. 189.
- ⁷⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.–Л., 1946, С. 37.
- ⁷⁶ Успенский Г. И. Указ. соч. С. 479.
- ⁷⁷ Русские. Сер. «Народы и культуры». С. 534.
- ⁷⁸ Dixon W. H. Op. cit. V. 2. P. 330.
- ⁷⁹ Russian Thought and Society 1800–1917. Keele, 1984. P. 34.
- ⁸⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 8, кн. 1. М.–Л., 1948. С. 52.
- ⁸¹ Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 16.
- ⁸² Там же. С. 76.
- ⁸³ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 153.
- ⁸⁴ Appleton N. Russian Life and Society as Seen in 1866. Boston, 1904. P. 116.
- ⁸⁵ Brocket L. P. The Cross and the Crescent; or Russia, Turkey, and the Countries Adjacent, in 1876–7. Philadelphia, PA, 1877. P. 133.
- ⁸⁶ Knox T. W. The Boy Travellers in the Russian Empire. N. Y., 1886. P. 168.
- ⁸⁷ Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 628, 629.
- ⁸⁸ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. СПб., 2004.
- ⁸⁹ См., например: Русские. Сер. «Народы и культуры». С. 161.
- ⁹⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 33.
- ⁹¹ Успенский Г. И. Указ. соч. С. 426.
- ⁹² Левыкин К. Г. Деревня Левыкино и ее обитатели. М., 2002. С. 117–118, 119.
- ⁹³ Там же. С. 126.
- ⁹⁴ Новая Российская энциклопедия. В 12 т. Т. 1. М., 2004. С. 529, 530.